

НАШИ • ТАМ

ДМИТРИЙ ГРАДИНАР
**ЖЕСТОКАЯ
ГВАРДИЯ НЕБА**

Наши там (Центрполиграф)

Дмитрий Градинар

Жестокая гвардия неба

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Градинар Д. С.

Жестокая гвардия неба / Д. С. Градинар — «Центрполиграф»,
2021 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09361-5

Человечество столкнулось с самым страшным врагом за всю свою историю. Само небо объявило нам войну. Сражения ведутся на земле, в облаках, в океанах... И, кажется, в этой битве мы уже проигрываем. Вскоре нам предстоит вернуться в пещеры, потеряв – все достижения цивилизации. Единственное, что может помочь, это люди, которые способны заглянуть по другую сторону фронта, стать частью жестокой гвардии неба, чтобы ценой собственных потерь и страданий дать человечеству последний шанс.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09361-5

© Градинар Д. С., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Градинар

Жестокая гвардия неба

© Градинар Д.С., 2021

© «Центрполиграф», 2021

Пролог

Шоссе умирало. Покрывалось трещинами и язвами. Ни машин, ни людей, ни запахов дороги. Среди туч мелькнуло солнце и высветило две легковушки, лежащие на дне озера. Через пару сотен метров показался бензовоз, с красной полосой поперек белоснежной автоцистерны. Он застрял в кроне огромного дерева. Было совершенно непонятно, как выдержали ветви и как тут все не полыхнуло пожаром. Наверняка транспорт шел порожним, это самое простое объяснение. А группе автомобилей, машин в семь–восемь, которая встретила еще через пару километров, явно не повезло. Искореженные обгоревшие корпуса сцеплялись друг с другом, словно злой мальчишка нарочно перепутал детали конструктора лего и соорудил небольшое кладбище автомобилей. Вникать в подробности, был ли там кто-то в салонах, совершенно не хотелось. Рокот мотора звучал слишком дерзко и вызывающе, чтобы делать остановки. Оставалось лишь мчаться вперед по умирающему шоссе.

Спутники переглядывались без страха и ненужной тревоги. Успели понять, что одному из них удастся проделать весь этот путь, а второй просто не умел бояться, вернее, признавал лишь реальные опасности. Как это было двадцать четыре часа назад, когда ураганным порывом с железнодорожного моста снесло все-все авто, и только им удалось прорваться. Потому что первый знал, видел, ощущал, когда и где начать движение. Николо Паганини, рожденный в переулке Черная Кошка, не чувствовал скрипичных струн так, как чувствовал пространство и опасность тот, кто сидел за рулем...

Пролетая насквозь маленькие поселки, они успевали заметить лица людей, глядевших вслед из завалов и укрытий. Ведь кроме спасения, которое им только предстояло раздобыть, прямо сейчас, в эту минуту, они дарили надежду.

Верьте! Мы еще не сдались! Пусть с постоянной оглядкой на небо. Пусть не по прямой, потому что иногда тот, кто за рулем, ловил одному ему известные тайные знаки и менял направление. Но мы движемся. Идем к цели. Верьте!

Разрушенный дом, разорванный автофургон, перевернутая и смятая будка торговца фруктами. Визг тормозов, первая передача, вторая, третья, четвертая, пошел! Тот, кто за рулем, иногда трясет головой, что-то шепчет. Уже четвертые сутки он гнал запыленный грузовичок по федеральной трассе Таллахасси – Новый Орлеан – Хьюстон. Кажется, он не в себе, совсем еще молодой человек с печатью тронутого, что проступала в жестах и в глазах. Но те, кто был в себе, остались под мостом, у переправы через реку. Огромный поток в сотню машин в одну сторону и почти такой же – в другую. Не один, а множество злых детей игрались с ними. После переправы вопросы отпали. Первый сможет добраться до нужного места.

Визг тормозов. Рука к виску, какое-то странное действие с оттягиванием кожи над веком, потом выдох облегчения. Первая передача, вторая, третья, пошел...

Его пассажир, мужчина с ровными ритмами сердца и крепчайшими нервами, полностью доверял своему водителю. Сейчас он наслаждался земным притяжением, которого так не хватало там, на орбите.

Автомобиль дребезжал, но пока держался. Это был выдавший виды грузовичок неопределенного мышиного цвета с кузовом для перевозки всякой всячины позади кабины. Тот, кто за рулем, выбрал его из нескольких десятков брошенных у обочины машин и назвал Мышиным Королем, сказав загадочную фразу:

– Главное, чтобы не черный, как ночь. Чтобы стоп-сигналы не как кровь. Это важно.

Мотор тянул ровно, а вот коробка передач иногда начинала гудеть. Еще под горку в салоне воняло перегретыми тормозными колодками и что-то уже хрустело под днищем. Потому что трасса была уже не та. Но если повезет, синхронно размышляли они, если так пойдет и дальше, возможно, автомобиль выдержит и следующий перегон. Хотя загадывать было

рано. До Хьюстона, конечной цели, оставалось километров двести пятьдесят, раньше их можно было проехать за пару часов, а теперь...

Делая огромный крюк вокруг Нового Орлеана, пришлось сменить сразу две машины. То были не какие-нибудь легкомысленные «феррари» и «мустанги», а «мерседес» и «лендровер», хотя в окрестностях Нового Орлеана теперь вернее было бы передвигаться на гусеничных вездеходах, настолько глубоким оказался слой ила возле озера с неудобным названием Понтчартрейн. А потом, когда им показалось, что дальше лишь пешком, на прибрежной дороге, чудом избежавшей затопления, обнаружилось скопление машин, среди которых выделялся этот грузовик. И Мышиный король не подвел.

В кузове аккуратно закреплены канистры с горючим, там же валялись упаковки с продуктами и водой. Все это они раздобыли в наполовину уцелевшем придорожном магазине. Под сиденьями уложены мощные фонари на аккумуляторах. Солнце не баловало сиянием. А сумрак под нависающей огромной тучей был настолько силен, что превращал день в вечер. Позади сидений валялись буксировочный трос и ракетница. Мышиный король был грузовичком на все случаи жизни.

У пассажира имелся пистолет, о чем он не сказал водителю. Оружие он упрятал в карман, а в руках держал видеокамеру. Он снимал какие-то шпилы, выступавшие из-под воды. И они означали только одно. Прощай, Новый Орлеан, город джаза! Джаз умер вместе с тобой! Подтверждая такую эпитафию, молчала автомагнитола грузовичка, как молчали сейчас все автомагнитолы мира. Там слышалось только шуршание невнятных помех, изредка треск, от которого становилось не по себе, и обманчивое предчувствие: ну же, еще чуть-чуть! Еще немножко! Казалось, сейчас в эфир ворвется голос Самого Главного Диктора, сообщит, что все закончилось – аллилуйя! – можно выползать из укрытий, плодиться и размножаться дальше, репетиция Армагеддона окончена!

В бардачке оказалось три компакт-диска. Один со скрипичными концертами Ванессы Мэй, другой с песнями Мадонны, на третьем зеленым маркером было написано длинное название, что-то вроде «Танцы жуков – соул и рэп – для парней с лунных полей Нэшвила».

Подростковое желание выделиться как угодно, чтобы заявить о своем существовании равнодушному миру.

Пассажир улыбнулся кончиками губ. Надо же, какие странные вкусы у прежнего владельца грузовичка! Хотя он понимал, что этому наверняка существует простое объяснение. Вроде того, что сын владельца играл в этой самой рок-группе на гитаре. Впрочем, это было сейчас не важным, как и миллиард прочих вещей. Прослушать весь диск, чтобы различить, где там буги, а где рэп с лунных полей, никак не получалось. Миссия была намного важнее комфорта в дороге. Рокот движка звучал довольно внушительно, заставляя чутко прислушиваться к другим звукам.

Позади, словно хвост ящерицы, волочился контур заземления, придуманный пассажиром. Теперь молнии не могли их застичнуть врасплох и вырубить электронику.

Впереди замаячил черный штрих. Плечи водителя напряглись, посадка головы изменилась. Штрих мог оказаться глубоким провалом. Тогда объезд, неизвестно в какую сторону и на какое расстояние. Но им везло всю дорогу. Повезло и теперь. Штрих оказался неглубокой трещиной. Просто лопнула плита дорожного покрытия. При землетрясениях в шесть-семь баллов подобные трещины – не самое страшное из того, что могло произойти.

– Ты как? – спросил второй. – Не устал?

– Продержусь. Только в туалет хочется. Вот, кстати, и Бомонт! Или Лафайет?

Дельта Миссисипи изменилась до неузнаваемости, последние два дорожных указателя, которые они проехали, были скручены в трубочки теми же злыми детьми, что любят играть в кладбища автомобилей. А все города, которые они объезжали, чем-то походили друг на друга. Столбы дыма, размытые пятна пожаров, иногда тревожное реяние самодельных воздушных

змеев, образующих над уцелевшими кварталами заградительную сеть. Но эта импровизация была не очень эффективна. Любой скромный ураган, вовсе не из той компании, что валили небоскребы в глубинах континента, мог разметать хлипкую защиту за считанные секунды.

– Думаешь, в других местах лучше? – спросил водитель.

– Я думаю только о том, чтобы все вышло как надо.

– То, что вы собираетесь проделать... Это как тушить пожар керосином. Разве оно может помочь?

– Должно помочь. Теперь или мы, или уже никто...

Непонятно было, кого он пытался убедить, водителя или самого себя.

Мышиный Король нырнул в широкую ложбину, и городок скрылся за холмом.

Часть первая

Расстановка фигур

Глава 1

Сабурро. После грозы

«В Египте 19 человек погибло и 40 получили ранения в результате мощнейшей бури. Проливные дожди с порывистым ветром привели к десяткам аварий, пожарам и оползням в северных районах. Приостановлено судоходство по Суэцкому каналу, закрыты 10 портов на Средиземном и Красном морях, в районе стихийного бедствия нарушено авиасообщение...»

(Из открытых источников, 2012 год)

Город, наполненный зноем, спал. Сон был тяжелым, в мареве кошмаров. Ни птицы, ни людской шум, ни гудение потока авто – ничто не тревожило эту спячку. Даже солнечные зайчики, прыгающие из одних окон в другие, не могли оживить умолкшие кварталы. Казалось, вместе со звуками умерло само время.

Молчал эфир, пропал Интернет вместе с сотовой связью, молчала расплавленная, скособоленная вышка телевизионного ретранслятора. Все-все телевизоры показывали одно и то же: мельтешение серых зерен, «белый шум», перехваченное реликтовое излучение Вселенной.

– Дож, как ты думаешь, Они придут?

– Спасатели? Или...

– В спасателей я уже не верю.

– Правильно делаешь. А эти вот небесные твари придут обязательно, и все повторится снова.

– Вода на исходе...

– Значит, нужно спуститься в подвал, там воды по самое не хочу. А для питья нацедить из протекающей трубы.

– В подвал? О господи!

Винченцо побывал внизу трижды. Первая вылазка за водой была недолгой. К тому же рядом шли Дож, Лоренцо, Софи и два ее сына. Он даже не успел толком ничего рассмотреть. Только отсыревшую штукатурку, обвалившиеся пласты краски и заляпанные грязью перила.

Собственно, удача улыбнулась им на втором этаже. В одной из квартир они обнаружили наполненную ванну, в которой плавала пара больших арбузов. Кто-то решил их охладить к ужину, заткнул сливное отверстие пробкой и ушел по своим делам, предвкушая сочный ужин. Ушел и не вернулся.

Дож и Винченцо пробрались в квартиру, а другие остались снаружи, передавая воду по цепочке. Потом кто-то задел пробку, вода утекла. И пришлось спускаться ниже, а после пробираться вглубь подвала. Крысы начали повизгивать прямо у лестничной площадки первого этажа. Вот тогда Винченцо и увидел, что охраняли и чем обладали эти твари. Несколько тел, будто сломанные манекены, валялись под лестницей. Это были случайные прохожие, понадеявшиеся найти укрытие от ливня в первом попавшемся подъезде. И сразу стало понятно, откуда этот тошнотворный запах.

Тогда, неделю назад, все представлялось самой обычной грозой. В конце лета грозы вовсе не редкость. Быстрые, шумные, вполне привычные. Последняя гроза стала не такой.

– Дож, это что? Ад, спустившийся на Землю?

– Раз уж нас решили для начала отмыть, пока только чистилище. А значит, есть шанс спастись.

– Это вопрос веры?

– Скорее, везения.

– Дож! После третьего раза со мной чуть не случился припадок.

– Все очень просто. Закрой глаза и иди. Дверь в подвал открыта, крысы тебя не тронут.

Полное имя человека, звавшегося Дожем, было Джошуа. Но все привыкли к такому обращению, привык и он сам. Дож был музыкантом, играл на трубе в оркестровой яме городской оперы. Этой работой он занимался почти сорок лет, с момента окончания консерватории. Именно Дож стал опорой для выживших в его подъезде.

Винченцо, для своих Винч, двадцати девяти лет от роду, был, что называется, человеком толпы. В жизни ему пришлось заниматься разными вещами, от подсобных работ на большом аптекарском складе до переноски мебели и установки стеклопакетов. Квартира осталась от родителей и являлась самым большим его богатством. Никчемным Винча назвать было трудно, все же парень старался хоть как-то удержаться на плаву.

Дож страдал от болей в мениске, ему трудно было сгибать ногу в колене. Потому даже вопроса не стояло, кто именно пойдет в подвал за водой. Винч не возражал, он даже представить себе не мог Дожа, пробирающегося по тесным коридорам подвала. Но при этом Винч был объят паникой, потому что очень боялся мертвецов. Как будто мертвецы могли сделать с городом что-то похуже, чем забываемая гроза.

– Может быть, еще раз попробовать перелезть через балкон и попытаться счастья в соседних квартирах?

– Попробуй, попробуй, – проворчал Дож. – Заодно передашь привет Майку, наверное, он до сих пор так и висит, приваренный к балконной раме, будто электросваркой. А может, его уже расклевали вороны.

Майк, старший сын Софи, нарушил правила чудовищной игры на выбывание. За то и поплатился. Теперь Софи постоянно сидит в кладовой для белья, трясет головой и ходит под себя, если Джако, оставшийся младший сын, не успевает подставить фритюрницу, исполняющую роль медицинской утки. Еще у Софи была дочь, но три недели назад она уехала с мужем на курорт. О том, что там произошло, Софи узнала за два дня до начала грозы. Она даже пыталась уговорить сыновей отправиться на Адриатику, но власти честно предупредили, что Восточное побережье закрыто, потому что существует угроза последующих цунами, и родственников погибших допустят к месту трагедии только после окончания спасательных работ. Софи тогда уже стала выпадать из реальности, а сейчас, после потери старшего сына, и вовсе ушла в параллельный мир, чьи картинки заставляют трясти головой и завораживают настолько, что человек не способен контролировать мочевого пузыря.

«Бедная Софи», – подумал в очередной раз Винченцо.

– Ты идешь? – прервал его размышления Дож.

– Я... Может быть, утром? – В голосе Винча звучали просительные интонации, но на самом деле получалось так, что спрашивал он только себя. – Мы ведь до утра сможем продержаться, а с восходом солнца...

– Чушь все это! Сделаем так, – прервал Дож поток уверток, – я пройду с тобой до подвала, а дальше ты сам.

– О! – Винч радостно закивал, не понимая, как такое очевидное решение не пришло ему в голову.

По правде говоря, его страх перед мертвецами был так силен, что он готов был двинуться вслед за теткой Софии той же дорогой от одной только мысли, что ему придется еще раз увидеть то, или тех, кто лежал вповалку под лестницей.

– Джако! – позвал Дож. – Принеси парочку бутылей, мы идем за водой! И намочи одеколоном пару тряпок, чтобы не тошнило.

Из кладовой раздался вздох. Парень разрывался между тяготами ухода за матерью и осознанием тщетности такой помощи. Наконец вышел, блуждая взглядом, шурясь от дневного света после полумрака кладовой.

Шутка ли, три дня подряд баюкать человека без разума. Видеть глаза матери, смотрящие куда-то за горизонт. Прямо на белую стену, строго перед собой!

– Вот, возьмите.

– Послушай, Джако. – Дож взял две протянутые емкости, но не торопился уходить. – Если Богу будет угодно, твоя мать очнется. Думай, что она ушла, не навсегда, на время, а потом обязательно вернется. Пойми, ей так легче, иначе сердце могло не выдержать, у нее и так случались приступы. Тебе не нужно страдать, этим ты ей точно не поможешь. Лучше наладим дежурство. Кто-то постоянно будет проверять, как она, а ты пригодишься для других дел.

Ответом было полное недоумение во взгляде. Но Дож был терпелив.

– Сейчас мы с Винчем сходим за водой, а завтра пойдешь ты, – вразумлял несчастного юношу музыкант, – Софи тоже нужно пить. У нас заканчивается еда, вскоре положение станет еще хуже. Без тебя нам не справиться. Уразумел?

Джако кивнул и поплелся обратно в кладовку.

«Бедная Софи, бедный Джакомо, бедные мы все», – подумал Винч, перенимая емкости у Дожа.

* * *

Гроза началась после пяти. Это была пятница. Готовился концерт для молодежи, спонсором выступала пивоварня, празднующая свой юбилей. И ватаги мальчишек и девчонок успели занять места в городском парке, а на площади установили помост и три огромных экрана.

Сначала в отдалении прогремел одинокий раскат грома. Многие вскинули голову вверх, но ничего, кроме светлой синевы без единого облачка и клонившегося к горизонту солнца, там не обнаружили. Кто-то вообще ничего не понял, восприняв звук как проверку музыкального ритм-бокса. Потом небо будто полыхнуло, растеряв светлые тона. Солнце исчезло, его украла ловкая и невероятно быстрая туча. Над городом пронесся ветер и хлынул дождь.

Кое-кто приветствовал его радостными криками. Но затем, когда шквал огненных стрел пронзил и экраны, и сцену, и все пространство перед ней, радость сменилась криками отчаяния.

Винчу невероятно повезло. Он как раз переодевался к концерту, опаздывая, цеплял на шею пацифики и прочую атрибутику фаната рок-музыки, когда раздался грохот. Винч вышел на балкон и увидел этот огненный вихрь. Ему показалось, будто горит небо. Молнии били до тех пор, пока все крики не смолкли. Остался только ветер и дождь.

Ливень оказался настолько сильным, что одна из плотин за городом не выдержала. Сначала ручейком, потом речкой, затем мощным потоком вода, несущая камни, глину и песок, хлынула к городу. Перепад высоты кое-где составлял около двух метров и даже больше, что оказалось полной неожиданностью для горожан, поэтому некоторые кварталы оказались затоплены до третьего этажа. В их число попал и квартал Винченцо.

Это не было ударом цунами, как случилось двумя днями раньше на Адриатике. Просто наводнение. Вода добралась до козырьков второго этажа минут за десять. В любом случае достаточный срок, чтобы успеть взобраться куда повыше. А перед нашествием мутных волн, несущих клочки рекламных транспарантов, пластиковые бутылки и прочую дребедень, многие из прохожих забежали в ближайшие подъезды. Наверное, паника загнала тех бедолаг под лестницу. А когда пришел основной вал, поставивший жирную точку, люди не успели подняться.

Узкая площадка для велосипедов и детских колясок стала их последним прибежищем. Теперь они лежали там, под лестницей, шесть или семь человек, не успевшие выбраться из ловушки, пугая Винченцо и привлекая стаи крыс, неизвестно как переживших наводнение. Но и это оказалось не самым страшным.

* * *

Ливень шел остаток дня и всю ночь. Дож приютил в своей квартире десяток спасающихся. Еще несколько человек осталось до утра в квартирах Софи и Винча. Дверь на четвертом, последнем, этаже оказалась заперта. Ее попытались взломать, но ничего не получилось, замки и дверные петли выдержали, поэтому пришлось принять еще один десяток спасавшихся от наводнения. А некоторые остались сидеть прямо на бетонных ступенях, с ужасом слушая, как всю ночь плескалась вода между вторым и третьим этажом. Софи вынесла для них два шерстяных пледа.

Сотовая связь дала сбой. Умолкли и городские телефоны вместе с телевидением. Работало лишь радио, парочка местных УКВ-станций. Флоренция молчала, молчал Рим, молчала Тоскана с Тулузой, Венеция, Корсика и Сан-Марино, не было слышно и двух ближайших городов, между которыми расположился Сабурро, – Вольтера и Сиены. Даже мощные трансляторы соседних стран не пробивались сквозь завесу грозы. Париж, Берн, Афины, всепроникающее Би-би-си, Радио Барселона, Радио-Мадрид. Только городской диджей врубил джаз-рок.

– Наступает конец света, а он крутит Сантану! Вот идиот! – выругался кто-то из нашедших приют в квартире Дожа.

– Но это лучше, чем траурный марш, – возразил хозяин.

– Лучше вообще никакой музыки, чем всякие буги-вуги!

Все были взбудоражены и, хотя первый шок прошел, говорили нервно, перекрикивая гитарные пассажи.

– Станция «Арно», на холме, у другой окраины, – вспомнил Дож. Музыка Карлоса Сантаны ему нравилась всегда. Поэтому захотелось защитить растерявшегося диджея, не угадавшего с выбором мелодий. Впрочем, композиция оборвалась прямо на середине, и станция умолкла. – Похоже, у них тоже отключилось электричество, попробую найти другую...

Следующим оказался ночной музыкальный канал «Долина блюза». Ведущая, Клара Гуччо, на чью смену выпал разгул стихии, была любимицей всего Сабурро. Сейчас она импровизировала звонким, приятным голосом:

«– Только что в студию попутным ветром принесло жандарма. Заглянул, так сказать, ко мне на огонек. Давайте подробно его допросим, узнаем, что творится в городе и почему он не на своем посту. Не спешит, например, вас спасти, не пускает сигнальных ракет, потерял мегафон и даже фуражку. Господин офицер, прошу к микрофону!

Сквозь шум и возню послышались энергичные чертыхания.

– Итак, синьор капитано, не пожелавший представиться, сообщил, что его патрульная машина была опрокинута волной и он спасся лишь чудом, выплывая с Виа-Реджо. Но что-то мне подсказывает, на самом деле это было не так, потому что брюки многоуважаемого... Ага! Наконец-то его опознали! Брюки многоуважаемого синьора Клаудио Кечи промокли только до колен, а это значит... Вы сами должны догадаться, что это значит».

Удивляться восклицанию Клары не приходилось, Сабурро относился к тем маленьким городкам, в которых многие знали представителей порядка, и не только их, в лицо и по именам.

Вот, отметил Дож, если у жандарма есть семья, они теперь получили весть, что их Клаудио в безопасности. Это нужная информация!

Клара продолжала веселить народ:

«— Кстати! Как же я сразу не догадалась! Всем-всем ночным гонщикам! По Виа-Реджо сейчас можно кататься без угрозы схлопотать штраф! Если ваши мотобайки имеют поплавки. Надеюсь, кто-нибудь отблагодарит меня и принесет в студию зонт и резиновые сапоги. А для полного счастья термос с горячим кофе. Сливки. Щепотку корицы. Немного сахара. Сейчас вся аппаратура работает от резервного генератора, даже представлять не хочется, что случится, когда закончится электричество. Я ужас как боюсь темноты! А в городе, судя по всему, сейчас темно, как...

В студии раздались смешки, гнусавый юношеский голос предложил окончание фразы.

— Эй, кто тебя воспитывал? Ну уж нет! Пошлостей от меня не дождетесь! В городе темно, как в темном городе! В общем, решайте сами, с чем можно сравнить такую темень. Прошу только об одном, соблюдайте спокойствие, переплывая улицу. У кого есть фонарики – светите из окон наружу».

Клара прошептала еще несколько фраз, разом подняв настроение всем, кто ее слышал. Затем, словно почувствовав тревогу слушателей, ведущая сменила тон:

«Наверное, завтра мне придется перед многими извиняться. Например, перед господином капитаном. Но я, честно говоря, готова извиниться перед каждым жителем города, лишь бы это помогло избежать какой-нибудь беды. Впервые вижу, как ливень погружает во мрак целый город. Наверное, мне пока лучше заткнуться, чтобы никто не подумал, вот, Гуччи сошла с ума, задумала устроить пир во время чумы! С улицы в студию прибывают новые люди, может быть, нам удастся у них что-нибудь разузнать. И пусть это окажутся хорошие новости! А я нарушу традиции радиостанции, и впервые за три года существования „Долины Блюза“ на нашей волне прозвучит классическая музыка. Правда, у меня на компакт-дисках все это только в современных обработках... Ага! Это вальс. Шопен. Пусть каждый из вас соберется с мыслями и успокоится. Мы не в силах помешать природе делать то, что она считает нужным. До встречи через четыре минуты!»

Из динамика словно плеснуло живительным светом. За окнами мелькали сполохи разъяренных молний и с короткими паузами грохотал гром, но эти четыре минуты вальса разгладили лица людей.

Тогда еще никто не знал, что ожидает их утром.

Глава 2

Орбитер-75. Утрата связи

«Ураган „Гилберт“, обрушившийся на о-ва Карибского бассейна, Мексику и штат Техас, США, между 12 и 19 сентября 1988 года, привел к гибели более 350 человек, 750 тысяч человек остались без крова. Нанесенный ущерб оценивается в 10 млрд долларов...»

– Есть новости? – Голос Миядзу звучал тускло. Техник Международной космической станции только-только проснулся. – Неужели молчат?

– Молчат. Какая-то мистика! – отозвался Джек Кейн, вызвавшийся на добровольное дежурство.

– Может быть, все-таки сбой в системе связи?

Остатки сна как рукой сняло. Высвободившись из фиксирующих ремней, техник активировал электронного помощника, смарт-сферу, чтобы отправить ее во второй обитаемый отсек, где находился Камаев.

– Командир, с добрым утром, – надиктовал Миядзу. – Приглашаем на ланч.

Красная сфера Миядзы уплыла по коридору, тихонько сопя струйками углекислоты. Разбуженный речью, зашевелился в своем ложементе восьмой, самый ценный член экипажа, как называли астронавты космических туристов.

В экспедиции «Орбитер-75» туристом оказался сорокалетний европеец, гражданин Лихтенштейна Кейтли де Сотера, отпрыск королевских кровей, пожелавший запечатлеть свое присутствие на орбите спутником-маяком. Одновременно спутник становился частью системы морского оповещения, принимая и отправляя сигналы связи морских судов.

– Есть новости? – задал турист такой же вопрос, как минуту назад японец.

– Пока нет. Будем еще раз тестировать системы связи, – отозвался Кейн. – Кстати, доброе утро! Поздравляю с одиннадцатым днем пребывания на орбите!

Для туриста день оказался сверхлимитным. Потому что пятьдесят миллионов и еще немного сверху, в том числе два миллиона за выход в открытый космос, он выложил за десять расчетных дней. Но челнок, который должен был еще вчера вечером пристыковаться к модулю «Заря», не пришел.

Такого еще не бывало на МКС, где полет расписан заранее как по нотам. Челнок, по графику – «Сокол», перед тем как снять с МКС туриста и еще двоих членов экипажа, должен был доставить двадцатитонный контейнер с водой, аккумуляторами, запасом кислорода и грузом, необходимым для разнообразных опытов. Одновременно с этим пропала связь.

В апреле 2001-го и в феврале 2002-го что-то подобное уже случалось. Тогда виной всему был сбой в компьютерах и модуле связи. Теперь модуль был в порядке. А связь пропала четырнадцать часов назад. Вдобавок не пришел челнок.

О панике речи не шло. Даже турист держался молодцом, не подкачал, первым делом осведомился, что там на завтрак. Ему все тут было в диковинку. Тюбики с джемом, тюбики с мясной пастой, даже вода, которую, если расплескать, приходится потом долго собирать, гоняясь за плавающими в невесомости шариками. Он набирался впечатлений по максимуму, понимая, что вряд ли доведется слетать еще раз.

Помимо громкого титула де Сотера имел диплом историка. Еще он являлся специалистом в области геологии. Кому-то такой набор, возможно, и показался бы странным. Но только не астронавтам, среди которых многие имели по две и больше специализации, зачастую вовсе не смежные. Генетик и инженер-электронщик, биохимик и специалист по оптической аппаратуре, и так далее.

– Они прилетят вечером, да? – наконец-то сдался турист, выказывая беспокойство, обращаясь к Кейну.

Американец ответил широкой улыбкой, которую можно было понять как угодно, от «куда они денутся» до «бог его знает».

– Спросишь у командира, – сказал Миядзу, взглядываясь в обзорный иллюминатор «Купола».

– А откуда это узнает командир, если нет связи?

– Командир знает все. Даже без связи.

Впрочем, там, в иллюминаторе, все было на месте. Земля таращилась своим оком. Вот только местами оно растеряло ясный голубой оттенок и напоминало уставший глаз с красными прожилками, подернутый мутной пленкой атмосферной катаракты.

Солнце, не проявляя излишней активности, появлялось и исчезало в иллюминаторах «Купола» шестнадцать раз в сутки. Заподозрить светило в причастности к исчезновению связи не было никаких оснований. Земля, Солнце, Луна, все на месте. За исключением «Сокола», который давно должен был пристыковаться к МКС.

Японец раздумывал, стоит ли разъяснять туристу очевидное? С одной стороны, Сотера сам должен все понимать. С другой – как понять необъяснимое?

Наконец решился.

– Мистер Кейтли, хотя вы не слышите воя сирен и вокруг не мигает, как в фильмах, тревожное освещение, у нас самая настоящая нештатная ситуация. Далеко не первая за время существования МКС. Уверен, рано или поздно все разрешится.

– Ладно, понял, – согласился турист. – Значит, никаких лишних вопросов?

Миядзу кивнул.

– Хорошо...

Но это была лишь отсрочка. Конечно же, вопросы имелись. Причем у всех, не только у туриста. Вот только никто из астронавтов не пользовался такой привилегией, как де Сотера, задавать эти вопросы вслух. А турист нарушил слово буквально через несколько минут:

– А как с кислородом и водой? Надеюсь, задержка челнока не убьет нас вот так сразу?

– Не переживайте, – теперь улыбнулся и Миядзу, – запасов кислорода нам хватит на целый месяц. С водой тоже порядок. В крайнем случае, отберем из химлаборатории. Еще у нас есть восстановитель. Вас уже как-то угощали.

– Ах это... Пить свой пот и не только... Ну, на вкус ничего особенного. Думаю, лучше не рассказывать дома, что за водичку пришлось тут пить.

Шутливый тон, словно барометр, показывал, что пока все хорошо. Вот только и Миядзу, и Кейн знали, как переменчив этот барометр.

Кейн вызвал свою смарт-сферу, у него она была синего цвета, и отправил запрос на разрешение изменить высоту орбиты.

– А зачем? – поинтересовался Сотера.

– Нерасчетный перерасход горючего и других материалов. Исчисленное пополнение не прибыло, и станция легче, чем должна была стать. Ненамного, но все же. А мы должны выдерживать график движения. Раз снижение теперь происходит медленнее, чем нужно, придется этот процесс ускорить. Челнок, когда он прибудет, рассчитывает встретиться с нами на одной высоте, а нас там нет. Понимаете? Просто корректировка для поддержания расчетной орбиты. Думаю, потребуется снижение на два-три десятка метров. Но решает командир.

Сфера вернулась через пару минут.

– Даю добро на корректировку, – цифровая запись явила круглое лицо командира, – Кейн, проведи расчет, а я пока задержусь. У нас тут кое-что интересное, в каюте Б-3...

За спиной Камаева маячило еще три фигуры. Канадец Вобан, второй американец Стинклер и итальянец, посланец от европейского космического агентства, Фесио Тола. Каюта-

модуль Б-3, со всем прилегающим хозяйством, находилась в ведении другого участника от ЕКА, бельгийца Боше.

– Какое-то особенное место? И что там можно обнаружить? – встрепенулся де Сотера.

– Скорей, не в самой каюте, а на датчиках внешних анализаторов. В третьей каюте блока Б установлена регистрирующая аппаратура, – разъяснил Миядзу.

– Что она регистрирует?

Миядзу переглянулся с американцем. Тот кивнул, подтверждая, что никакого секрета для туриста в этом нет.

– Молнии.

– О! – только и смог протянуть де Сотера.

– Регистратор атмосферных электрических разрядов запущен давно, – пояснил Миядзу. – На станции постоянно фиксируется их появление, физические параметры и частота в грозовых облаках.

– Что же вы обнаружили? Молнии стали другими?

Миядзу снова посмотрел на Кейна. Теперь американец лишь пожал плечами.

Естественно, для туриста эта игра во взгляды не осталась незамеченной. Но он наблюдал ее вот уже десять суток, поэтому никак не отреагировал, дожидаясь пояснений. Ведь пожатие плечами всегда скорее да, чем нет. Это не запрет.

– Да, они стали другими, – сказал Миядзу. – Раньше перемещение океанских тайфунов не сопровождалось молниями по фронту. Но лет двадцать назад появились и такие тайфуны, которые были обвешаны молниями, как рождественская елка игрушками. Парадоксальные тайфуны. Первый, кажется, был отмечен в две тысячи шестом.

– Может быть, новое метеорологическое оружие русских или Китая? – предположил Сотера.

– Может быть, – теперь ответил Кейн, – только не повторяй этого при командире, он считает, что все как раз наоборот и такие тайфуны носят лейбл «Мэйд ин Юнайтед Стэйтс».

– А это неправда? – невинно осведомился турист.

– Это не может быть правдой, – американец грустно усмехнулся, – потому что первый такой парадоксальный тайфун разнес вдребезги именно американский город. Погибла куча народа.

– Новый Орлеан? «Катрина»?

– «Катрина». А следом еще несколько таких же.

– Тогда, кажется, гуляла версия, что вы сами его и создали, но потом утратили контроль, и...

– Глупости! – отрезал Кейн. – Полная чушь! Досталось и нам, и Европе, и остальным. Одинаковые, как братья-близнецы, тайфуны громили побережья Китая и пляжи Флориды. Нормандию, Сахалин, Филиппины, Кубу, Ямайку, Окинаву. Всем досталось.

– Значит, виновато глобальное потепление?

– Сейчас уже не понять, кто виноват или что виновато. Я надеюсь, вы вдвоем не собираетесь класть меня на лопатки, напоминая, что моя страна не дружит с Киотским протоколом и вышла из Парижских соглашений?

– Конечно нет! Возможно, даже если бы никто не подписал этот протокол и дымил во все трубы, мало что изменилось. Не тот уровень энергии. Это одна из точек зрения на проблему. Хотя, конечно, есть и другая.

Тема промышленных выбросов, изменения климата и перераспределение тепла в гидросфере была близка к теме собственных исследований Сотеры. Разговор мгновенно утратил политическую окраску. Миядзу с облегчением выдохнул. Какое счастье сопровождать туриста, разбирающегося хоть в чем-то, кроме последних достижений моды, классического искусства и биржевых сводок.

А потом в отсек «Купол» вплыл желтый помощник командира. Колобок, как ласково называл его Камаев. И сразу возвестил голосом своего хозяина:

– Есть новости! Кейн, запускай снижение, и двигайте к нам, в блок Б. Кажется, что-то проясняется...

Глава 3

Черная мозаика. Побережье

*«26 апреля разрушительным торнадо был уничтожен город Шатурия в Бангладеш. Более 1300 человек погибло и около 50 тысяч осталось без крова...»
(Из открытых источников, 1989 год)*

Невидимый с земли авиалайнер кружил где-то в темноте над крышами квартала, оглашая пространство тревожным ревом турбин. Совсем рядом с Сарафово сиял прожекторами аэропорт Бургас. Снопы света уходили вверх, сразу утыкаясь в плотную низкую тучу. И так было над всем западным побережьем Черного моря. Черная туча, ливень, град, ветер. Еще электромагнитная аномалия, делавшая все навигационные приборы и приборы связи бессильными. Эта же туча цепляла и край Средиземноморья.

Не имея возможности сесть в Варне или тянуть до Софии, лайнер был обречен. Он потерял связь с наземными службами. Как, впрочем, и со всем остальным миром. Совсем скоро у него должно закончиться горючее, как у двух предыдущих аэробусов, один из которых пылал жарким костром, невзирая на дождь, разбившись у края летного поля. Второй, пройдя на бреющем полете над прибрежными отелями, рухнул в море. Экипаж и пассажиры ничего не успели понять.

Глухой всплеск, рев двигателя, высаживающий стекла в ближайших отелях, когда пилот в отчаянной попытке, почувствовав приближение моря, рванул штурвал на себя. И снова удар. Следующий всплеск оказался последним. Глубина съела самолет и надежды пятидесяти двух человек.

Каких-то пять дней назад все было по-другому. Приветливый болгарский пригород, утопающий в зелени хмеля и дикого винограда, мини-гостиницы, в несколько линий выстроившиеся вдоль побережья, гирлянды огоньков, окаймляющие кафе и пивнушки, а в переулках тонкий аромат листвы инжира.

Бургасский аэродром располагался всего в трехстах метрах от края Сарафово, а сам город находился в десяти километрах отсюда. Квартал Сарафово, ближайший пригород Бургаса, уже перестал быть просто дачным поселком. Но и в муравейник, шумное детище курортного бизнеса, кишаций отдыхающими, до конца не превратился. Хотя именно такая судьба ожидала его в ближайшем будущем. Строительство шло вовсю, вместо дачных домишек вырастали все новые и новые гостиницы. Небольшие, в три-четыре, реже пять этажей. Выше нельзя, потому что рядом аэропорт. Именно в них, в этих мини-отелях, обещающих трехзвездочный комфорт, крылась вся прелесть бабочки, которая вот-вот должна вылупиться из провинциальной куколки и расправить вдоль береговой линии крылья – пляжи. Аккуратные, чистенькие, утыканные белыми пляжными зонтиками.

Не случилось. Первый аэробус догорал на земле, истекая потоками горящего авиационного топлива, второй воткнулся в штормовое море, не оставив никаких следов, третий продолжал кружиться над кварталом. Его экипаж ожидал, как чуда, разрыва в облачном покрове, всего одного, чтобы сориентироваться и попытаться сесть.

Кто-то из жильцов мини-отеля вытянул через окно руку с мощным фонарем. Узкий белый луч выхватил нависающий черный полог. Этот полог шевелился, он жил своей жизнью! Как хищник, туча вытягивала бесчисленные ливневые щупальца, сверкала ядовитыми жалами молний. Могло показаться, что на самом деле это многотонная туша какого-то темного монстра, проплывающего сейчас над землей. Брюхо его дрожало, переливалось складками, как бездонная утроба, переваривающая пищу. Через несколько секунд, будто почувствовав мсти-

тельность небесного чудовища, человек убрал фонарь и захлопнул окно. Сразу же, у самого окна, ударила молния. Все же она была еще очень медлительна, эта странная туча, и потому никто не пострадал. Проверить, насколько быстрой она окажется в следующий раз, смельчаков не оказалось.

Потом дюжина молний слаженным залпом раскромсала несколько столбов линии электропередачи, а заодно и местную подстанцию. Поселок полностью погрузился во мрак. Чуть позже та же участь постигла и аэродром. И долго слышался обреченный гул терпящего бедствие аэробуса.

Ослепшего, оглохшего, потерявшего всякую ориентацию и надежду на спасение. Через несколько минут гул начал слабеть и вскоре исчез где-то вдали. А туча осталась. Она была спокойна. Ее крылья раскинулись слишком широко, чтобы кто-то мог избежать их объятий. Судьба третьего самолета, пытавшегося сесть в Бургасе, была решена. Всего в эту ночь трагически оборвалась почти сотня авиарейсов.

Глава 4

Лозоходец. За горизонтом

*«Режим стихийного бедствия объявлен в бразильском штате Рорайма из-за рекордного наводнения. Сильные дожди привели к разливу реки Риу-Бранку. Уровень воды в ней поднялся на 10 метров, что превышает рекорд, зафиксированный в 1976 году. Множество населенных пунктов оказались полностью отрезанными от внешнего мира. Семь населенных пунктов ушли под воду...»
(2011 год)*

– Маркош! Хочешь мороженого? Маркош?

Жизнь в Капошваре, куда Ева переехала из Сегеда, текла спокойно и размеренно. Городок небольшой. Если бы не вечно загруженное транспортом шоссе, совсем было бы тихо. Ближайшая ветка железной дороги лежала в сотнях километров отсюда. Все, как она хотела. Далеко от Будапешта, где она впервые встретила с Тибором. Далеко от Сегеда, где у них родился сын. Далеко от железных дорог. А сам Тибор сейчас находился совсем уж в непредставляемых даях.

Решение о разводе далось непросто.

– Ваш муж пьет? – спросил адвокат.

– Нет, – сказала она.

– Плохо с вами обращается?

– Ну... нет.

– Заводит интриги с другими женщинами?

Невыносимые, идиотские вопросы. То, что поначалу представлялось ей не более чем кратким визитом, – гонорар, письменное заявление о разводе и доверенность на ведение дела на стол, – теперь обернулось настоящей пыткой.

– Значит, другая женщина?

Она расплакалась. Но слезы ее являлись лишь выражением ощущения беспомощности. Интрига имелаась. Всего одна. И это не касалось посторонних женщин.

– Он... Он стал одержимым! – наконец решила Ева.

Глаза юриста, и без того огромные за мощными линзами, стали еще больше, на пол-лица.

– Одержимым? Вы хотите сказать, одержимым дьяволом? Или там какими-то бесами? – Он тут же смутился собственных слов. – Простите, я атеист. А вы, наверное, верующая?

– До определенной степени.

Ей хотелось, чтобы все закончилось как можно скорее. Гонорар на стол, заявление в суд, доверенность юристу. Развод. Только это. Иначе можно сойти с ума.

– Тогда, как вы...

– Вот так! Я метеоролог. Если и верю в дьявола, только в того, что выводит на улицы толпы народа и бьет себя кулаком в грудь, обещая снижение тарифов, налогов, всемирное счастье и все такое прочее. Мой муж зарабатывает той же профессией. Собственно, мы учились в одном институте, где и познакомились. И все было просто отлично. А потом... Потом...

Снова появились слезы. Мужчина откинулся на спинку дубового кресла, отчего оно издало приятный скрип.

– В таком случае я не понимаю...

– Я тоже ничего не понимаю, в том-то и дело.

– Расскажите подробнее. Иначе до вечера проболтаем без толку.

– Понимаете, между нами никогда не существовало тайн. Ничего, что мы прятали бы друг от друга. Но полгода назад Тибора будто подменили. Он решил, что совсем скоро все может погибнуть. И я, и наш сын, и наш город. Удивляюсь, как его не выставили с работы, потому что своими пророчествами он всем успел надоесть. А потом он начал готовиться к тому, чтобы... Ну, чтобы мы как-то выжили.

– Вот как? Забавно.

– Забавно? Это просто ужасно! Он начал строить на крыше самый настоящий Ноев Ковчег! Все деньги, что он зарабатывает, уходят неизвестно куда. Я старалась не вмешиваться, но он постоянно сыплет разными словечками. Эхолот, гироскоп, радиомаяк, система позиционирования. И мне становилось все страшнее и страшнее.

– Наверное, это дорогое удовольствие – строить Ноев Ковчег, – заметил как бы промежду прочим Ласло Пензел, так звали адвоката.

На самом деле думал он о другом.

Ева Капрош. Неглупа. Красива. Состоит на службе в Департаменте метеорологии. Значит, имеет небольшой, но стабильный заработок. Двенадцатилетний сын. Здоров. Отличная успеваемость в школе. Муж, Тибор Капрош. Ну, может быть, не без чудачеств, но вот так, сразу, назвать одержимым лишь за то, что он на всякий случай загодя собирается пережить потоп, о котором только и говорят по телевидению и в газетах. Всем понятно, вероятность этого события, мягко говоря, выше среднего. А эти наводнения повсюду за последние несколько лет? Любой может стать одержимым!

Но что-то подсказывало, есть еще некоторые детали. Те самые, в которых и любит скрываться дьявол. Еще что-то, иначе обращение Евы теряет смысл. И, похоже, эти детали госпожа Капрош не торопится ему сообщать. А зря. На взбалмошную личность она не тянет, сидит ровно, не раскачивается, ноги без малейшего изъяна, руки свободны, никаких скрещиваний на груди, выдающих неуверенность, или барабаниющих по столешнице пальцев, свидетельствующих о нервозности. Выдержка что надо. Разве что слезы. Хотя, если бы не они, можно было бы вообще ничего не заподозрить. Смотрит прямо, не боится заглядывать в глаза, взгляд рассудительный. Никакого огня, никакого безумного блеска. Никакой крикливой бижутерии или несуразицы в одежде вроде короткой юбки над длинными гольфами в полоску. Бывают и такие дамы. В тридцать с чем-то лет.

– Вы, наверное, думаете, я скрываю истинные причины?

И в проницательности ей не откажешь. Что же ты наделал такого, Тибор Капрош? Почему она хочет с тобой расстаться?

– Именно так я и думаю. Подводная лодка на крыше – это, конечно, нонсенс. Но не более. Вам повезло, что вы незнакомы с каким-нибудь коллекционером сыра или старых велосипедов.

– И такие бывают?

Слезы высохли. Ясный взгляд. Но теперь в нем сомнение. Будто женщина ищет оправданий для своего супруга, но натывается на глухие стены. И называет его не как-то издевательски, или хотя бы иронично, вроде мой благоверный, жеребец, придурок. Таких эпитетов Пензел наслушался предостаточно. Нет, называет мужем. В чем же подвох? И в чем одержимость?

– Бывают! Я даже знал одного собирателя оконных рам. Его пытались оштрафовать за нарушение правил пожарной безопасности. Этими рамами у чудака был завален весь приусадебный участок. Со стеклами и без стекол. А вместо кустов смородины высились горы форточных фрамуг. Каково?

– Жуть. Дурак какой-то, вы уж простите. Наверное, свихнувшийся стекольщик, кто еще станет собирать такую дрянь?

– Не угадали. Он был специалистом-взрывником. Знаете, есть такие компании, что занимаются сносом старых зданий?

– Буду знать. Хотя, мне-то оно зачем? Я пришла не за этим.

– Вот именно, что не за этим! Вы пришли, чтобы свалить на кого-то часть собственной ответственности за решение. Вы ни разу почему-то не сказали о Тиборе, что он сумасшедший. И дураком, в отличие от странного взрывника, его не называете. Одержимый, конечно, звучит весомо. В случае, если бы ко мне пришла монашка. Поймите, для развода недостаточно сказать: одержимый! Вы можете привести факты, из которых следовал бы вывод о невменяемости супруга?

– Он не сумасшедший, – быстро проговорила Ева.

– Тогда, может быть, наркотики? Какая-то мания? Я могу представить так: он – метеоролог, как, впрочем, и вы. В мире творится черт знает что! Я имею в виду погоду. Тот, кто разбирается во всех ее выкрутасах, вполне может заполучить профессиональную манию. Вроде мании величия у политиков, мании преследования у шпионов или мании тотальной подозрительности и беспардонности у полицейских. Выкладывайте все начистоту, или вам придется искать другого юриста. Брать деньги только за то, что без всякого повода разрушается еще одна семья...

– Поводы? Вам нужны поводы... Ну что ж.

Ева снова улыбнулась, на этот раз зловеще, утратив свое очарование, и, чуть подавшись вперед, начала рассказывать.

* * *

Уже через десять минут Пензелу захотелось задернуть на окнах шторы, сжаться в комок и – черт возьми! – хорошенько подумать, не пора ли начать строить собственный ковчег. Никаких сомнений, это дорогое удовольствие. Что там ему потребуется? Эхолот? Гироскоп? Каждой твари по паре, желательно в консервах...

На одиннадцатой минуте он сумел стряхнуть наваждение. Но уже на двенадцатой все вернулось обратно. Он понял, чего так боялась женщина, не желая раскрывать истинных мотивов.

Она боялась, что ей поверят!

А он поверил. И потому Пензелу стало страшно.

– У меня осталась цифровая запись... – как из тумана доносился голос Евы, – Тибор сам попросил ее сделать, когда он... когда он...

Образ мужчины, с руки которого срывается молния, и тут же улыбка. Может быть, не самая счастливая, но – улыбка.

– Вот несколько фотографий, правда, не совсем разборчивых. Фотоаппарат не успевает поймать этот миг. Кардиограмма. Ее сделал знакомый врач, в частном порядке, потому что... ну, вы должны понимать. Запись звуков, что проявляются в момент контакта. Диктофон лежал у Тибора в кармане. Рядом находилось еще несколько записывающих устройств, но они... В общем, там ничего не осталось. Можете провести экспертизу, только умоляю, никому пока...

Туман вокруг. Наползает. Из белесого и далекого становится каким-то близким и багровым. Щупает сердце. А он сам? Что случилось бы с ним, или с любым другим человеком, если б вот такая кардиограмма, словно график сейсмографа во время землетрясения?

– Маркош ничего не видел. Муж не хотел, чтобы сын испугался. Обычно это происходило посреди дня, когда не так заметно. Еще бывало к вечеру. Рядом с нашим домом идет строительство. Получается, как будто искрит электросварка. Но Тибор не хотел, понимаете? Боже! Как бы вам все понять! Как понять мне самой... Это кошмар наяву, но Тибор ни при чем. Он не хотел...

– Тогда все, что он говорил, – это правда? Это пророчества? – слышал себя со стороны Пензел, а в голове снова ожили загадочные эхолоты и гироскопы.

– У пророчеств есть степень вероятности. Тибор сказал, тут без шансов. Будет так.

– И что? Со всем миром?

– Он говорил о побережьях.
– Каких побережьях? Дунай? Тиса? Кереш, Балатон, Шайо?
– Моря. Он говорил про моря. Но сказал, что везде по-разному, и нельзя быть уверенным...

– Вы позволите ознакомиться с видеозаписями?
– Только если вы все восприняли всерьез и не считаете мой рассказ бредом.
Всерьез! Все всерьез! Возможно, она нашла правильное слово – одержимость. Вот только одержимость – чем? От возбуждения на лбу адвоката выступила испарина.

– А та встреча на конференции, если можно, чуть подробнее...
Профессиональная привычка требовала задавать уточняющие вопросы. Привычки часто не знают, что они лишние.

– Тибор поехал в Люксембург. По приглашению.
– Он... он уже умел? Ну, я говорю о...
– Да!
– И тот человек, с которым он познакомился...
– Какой-то принц. Знаете, странно в наше время воспринимать всякие титулы, монархия ведь больше для проформы, наверное. То ли Сокира, то ли Сокера... Потом они переписывались по Интернету. Но когда я попыталась просмотреть его почту, он... он...

– Договаривайте! – чуть повысил голос Пензел.
– Он сжег компьютер.
– Как сжег? В смысле, каким образом это...
– Он сжег!
– О черт!
– Потом обнял меня, пытался поцеловать, уверяя, что я в безопасности, но эти вспышки ярости...

– Как он это сделал?
– ...а я не чувствую себя в безопасности! Когда я сказала...
– Как он это сделал? – Пензел почти кричал.

На виске завибрировала жилка. Нашаривая в кармане гомеопатические таблетки для снятия давления, Пензел готов был свободной рукой вцепиться в запястье женщины, только бы поскорее услышать то, чего слышать нельзя. Невозможно. Но это так. Ведь он верил!

– Как он...
– Он позвал молнию!
Жилка застыла. Голову заполнил странный звон, и стало горячо в грудной клетке.
К черту таблетки! К черту гироскопы! Неужели действительно все это рядом?
– Принесите... видео... – выдохнул Пензел. – И, если не затруднит, подайте стакан воды. Там, в холодильнике. Сами тоже выпейте...

Время опять потекло в обычном ритме, туман рассеялся, женщина снова плакала. Он пил воду и думал.

Господи! Что теперь ему делать с таким знанием? Сообщить в органы безопасности? Но госпожа Капрош – клиент! Такой шаг без ее согласия означает пятно в карьере! А согласия она не даст. Никто не дал бы. Тайна исповеди и сведений, полученных нотариусом или адвокатом. Нотариусов чаще прижимают, потому что у них сведения о сделках, государственные чиновники не любят, когда мимо их кармана текут чужие денюжки. Оказывается, есть вещи, которые важнее самых скандальных сделок. Вот только погубить человека легко, а можно ли ему помочь? Пензел представил медиков, пытающихся увернуться от электрических искр, и понял, помочь нельзя. Если он сам того не захочет.

– Вот. – Ева раскрыла дамскую сумочку. – Визитка того принца из Люксембурга. Без адреса. Никаких телефонных номеров и электронной почты. Если сможете его найти – найдите.

Я оплачу расходы. Только скажите, что же мне со всем этим делать? Тибор не желает развода, потому что думает, будто все в порядке. Он... он...

Снова слезы. Пензел вынул визитку из безвольных пальцев.

Не картон, не пластик, прямоугольник желтого металла. Будто фольга. Неужели золото?

На фоне пышной короны, венчающей какой-то сложный герб в завитушках, всего лишь имя. Кейтли Матиас де Сотера. Там, где обычно пишут «менеджер», «генеральный директор», «журналист», «доктор» или, если нечего указывать, «специалист», там было другое.

Регент.

Вернув позолоченную пластину, Пензел сделал последний глоток. Посмотрел в окно, где, впрочем, все оставалось неизменным, как и в начале этого странного разговора. И принял решение.

– Бежать.

– Что? – встрепелась она.

– Смените город или даже покиньте страну. В Европе найдется достаточно мест, где примут прогнозиста с приличным стажем и рекомендациями. Иностранными языками владеете?

– Английский свободно. Чешский, немецкий, могу изъясняться на улице, – не без гордости ответила Ева.

По всему было видно, она пытается за что-то ухватиться. Обрести под ногами почву, а не жуткое раскачивание багровых облаков. Иностранные языки, работа, семья. В ее жизни было много реального и осязаемого, пока самый близкий человек не научился разговаривать с молниями.

– Уезжайте. А когда вернется ваш супруг... Кстати, а когда он вернется? Вы говорили, он отправился в экспедицию на метеорологическом судне?

– Да. Эль-Ниньо. «Младенец». Сейчас очередное рождение. Задействован весь исследовательский флот. Тибор не скоро вернется. Три месяца, так он сказал.

– Уезжайте, пока его нет.

– Но куда? Легально сменить работу – все равно что дать о себе объявление в газете.

– Это верно. Ну а если все, что тут говорилось, вы сообщите...

– Тогда, господин Пензел, из вашего клиента я для начала превращусь в клиента какой-нибудь психушки. А потом, когда они убедятся... Потом и меня, и Тибора, и Маркоша, нас всех посадят под колпак. Тибор станет подопытным кроликом, меня сделают сиделкой при кролике, чтобы не болтала лишнего. Но это не самое главное...

– Что-то еще прячете в рукаве?

– Тибор сказал, что мне и малышу не нужно никуда бежать. Он ведь не глупый, видел, как я... как отношусь к его новому таланту!

Слова давались Еве то легко, то трудно. Когда речь шла о спасении, ее и сына, преобладал женский практицизм и живой ум. Как только разговор касался супруга, твердая почва вновь становилась багровым облаком. И ее раскачивало сильнее и сильнее.

– Тибор предупредил, ну, так, будто пошутил, где бы я ни оказалась, он найдет и напомнит о себе.

– Как?

– Не знаю.

– Вы верите в это? Больше похоже на обычное запугивание.

– Может быть. Я и так боюсь, неужели вы не понимаете?

– Но по-прежнему называете его мужем, – задумчиво протянул Пензел.

– Называю. И буду называть дальше. Вот только если бы не его одержимость...

– Знаете что? Вы многое уже пережили, раз вам довелось увидеть настолько невероятные вещи. И сделать еще один шаг для вас должно быть не так страшно. Попробуйте. Уверен,

супруг точно так же называет вас женой. А значит, не сделает ничего плохого. Я не говорю, что это сработает, но вы хотя бы попробуйте.

* * *

Она попробовала. Вот уже месяц никаких поводов для беспокойства. Капошвар – тихое место. Свое бегство она привыкла считать разводом. Тибор поймет, убеждала себя Ева, должен понять.

На всякий случай, уходя из дома, она даже оставила записку, прямо на зеркале в прихожей. Он вернется и прочтет. Юрист, к которому она обратилась по рекомендациям того самого врача, что снимал кардиограмму мужа, обещал поговорить с Тибором. Хотя и было видно, как его испугал рассказ о сверхъестественных способностях. Видеозаписи Пензел просматривал в присутствии Евы, после чего стал бояться еще больше. Но все-таки обещал поговорить, разъяснить... В конце концов, Тибор не убийца! Не сумасшедший. Он просто...

Тут Ева почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Это происходило всякий раз, стоило ей подумать о супруге. Она старалась заглушить эти мысли. Ведь нужно думать о будущем. Сходить с багровых облаков на твердую почву.

* * *

– Маркош! Ты где? Что насчет мороженого?

Повертев головой, она наконец-то увидела сына. Тот стоял неподвижно, запрокинув голову, всматриваясь в небо.

Она положила руку на грудь, потому что часто забилося сердце. Потом тихо ойкнула и села прямо на асфальт.

Там, в облаках, колыхался величественный мираж. Белоснежный кораблик плясал посреди огромных океанских волн. Вот очередной вал заставил капитана положить руль на борт. И даже отсюда, за несколько тысяч километров от Тихого океана, она смогла разглядеть название.

«Тесefon». Исследовательское судно ООН.

Корабль Тибора.

Глава 5

Три Иуды. Кенсингтон

*«Почти 18 тысяч ударов молнии зафиксировано в Дании во время грозы. Главный удар обрушился на остров Зеландия. Из-за разрядов молний сгорели несколько домов...»
(2011 год)*

Еще пару дней назад Лафардж ощущал себя едва ли не спасителем мира. По крайней мере, пророком, вещающим о путях спасения. Вчера все изменилось.

Ответственный за атмосферное моделирование наспех созданной Контрольной группы ООН, профессор Лафардж получил доступ ко всем секретным данным, добытым за последние годы. Это были данные с исследовательских станций как наземного, так и орбитального базирования. Теперь предстоял долгий процесс обобщения, чтобы черствая корка научной терминологии превратилась для остальных участников группы в хлебный мякиш понятной и весьма убедительной речи. Иначе не проглотить.

Терминология метеорологов специфична. Фронты окклюзии, отвечающие за образование облаков и осадков. Высокоатмосферные эльфы, не те, что в фильмах, с ушами и стрелами, а совсем другие, являющиеся разновидностью высотных атмосферных разрядов. К ним – рентгеновская составляющая грозы, и много всякого прочего.

Из всех претендентов на должность научного консультанта Лафардж был выбран именно за умение превращать любую работу в творческий поиск, а все сложное делать простым.

Его сжатые комментарии, составляемые для Кьюзак и Томпсона, представителей от Экономического и социального совета ООН, были подобны великолепной шпаргалке, обладая которой можно не заботиться о придирчивости любых экзаменаторов. И Кьюзак, и Томпсон признавали – Лафардж просто незаменим в своем деле. К их изумлению, вместо чопорного буквоеда, или же другой противоположности – неисправимого романтика, обитающего на дальней, забытой богом метеостанции, Контрольная группа получила высокорослого, подвижного, при необходимости терпеливого помощника. Неутомимого по части перевода научной тарабарщины на доступный французский, английский или испанский, на выбор, а также отличного организатора встреч с учеными всех рангов и всех смежных областей науки. Высокий лоб, легкомысленные бакенбарды, густая шапка выющихся волос – все это придавало открытости и добродушия круглому лицу с живыми серыми глазами над внушительным носом. Он чем-то напоминал Пьера Ришара. Такой же взгляд, столько же шарма в движениях и речи.

В то же время морщины, залегшие над переносицей, приоткрывали правду об его истинном возрасте, и мало кто ошибался, принимая Лафарджа за мальчишку от науки. Не так давно он провел пару сезонов на Антарктической станции, и его руки привыкли и к долгому порханию над клавиатурой компьютера, и к грубой полевой работе. Эти руки могли быть неподвижно сложены на груди, когда ему приходилось выслушивать других, либо находиться в непрерывной жестикуляции, когда другие нуждались в том, чтоб их убеждали. В общем, и Кьюзак, и Томпсон считали, что им повезло с Лафарджем, а профессор считал, что ему повезло с работой. Открывшиеся перспективы соединить в себе знания английских, австралийских, французских, русских, американских, японских, норвежских и любых других исследователей заставляли трепетать научного консультанта группы. Эти же возможности и перспективы заглушали обиду за несправедливость мира, выраженную для Лафарджа в том, что ему так и не позволили вести исследовательский проект во Французской Гвиане. В министерстве ему заявили открыто и прямо: никаких исследований, никаких мечтаний о нобелевских открытиях и прочей ерунде. Разве что вам выпадет шанс руководить метеоцентром. Но занять место руководителя Лафар-

джу не позволили кое-какие интриги, в которых он оказался менее удачлив, чем другой претендент. Их расставание, Лафарджа и того, другого, вышло скверным, дерганным и более чем сухим. Проще сказать, они избавились друг от друга. Жан Лорак, так звали конкурента, покинул Париж, отправившись за океан, во Французскую Гвиану, а Лафарджа ждал перевод в Кенсингтон, южный округ Лондона, где располагался офис Контрольной группы.

Изменение климата стало едва ли не основной темой текущих заседаний Экономического и социального совета. Потому что, так или иначе, промышленность, сельское хозяйство, сама жизнь человечества – все зависит от климата. А вот с ним происходило неладное. Невидимый ветер уже взвился за горизонтом, готовый унести кое-что на свалку цивилизаций. «Король-солнце», Людовик XIV, не иначе был провидцем, ведь он сказал кратко и точно, что будет после нас.

Последний шокирующий вывод, последняя климатическая модель, рассчитанная на компьютерах, предрекали, что к 2100 году температура в мире повысится более чем на два градуса Цельсия. И это еще один из самых осторожных выводов, были другие модели, о которых лучше не заикаться! Но даже такая, мягкая модель не спасала.

За последние десять тысяч лет не было еще таких грандиозных изменений. Два градуса в глобальном масштабе означали рост количества климатических аномалий, затопление обширных территорий, увеличение числа наводнений и ураганов, увеличение количества жертв и разрушение того равновесия в природной экосистеме, что складывалось на протяжении веков.

Обо всем этом Лафардж знал лучше других. Его поражала позиция чиновников, ведь такой вывод был официально обозначен, как «запланированное изменение»! Будто все под контролем. Мы произвели снижение на столько-то процентов, получили рост температуры на полтора градуса. Блохи заметили, что после каждого их укуса лиса собирается прыгнуть в озеро с клочком шерсти в зубах. Они кусают, она прыгает. Но если кусать реже и слабее, проделает это чуть позже. Насколько позже – никому не известно.

Если не решающее, то значимое слово на предстоящей ассамблее должно было прозвучать со стороны Контрольной группы. Кюзак и Томпсон уже знали, как преподнесут те или иные цифры, а вот Лафардж... На этот раз сделать сложное простым у него не получилось.

* * *

– Скажи на милость, почему ты так нервничал во время встречи?

Вопрос, заданный Кюзаксом среди болтовни о прошедшем ночном перелете, прозвучал будто вскользь.

Вот только Лафардж, до сих пор хранивший молчание, подчиняясь внезапному порыву, отреагировал чересчур бурно. Он просто смел со стола три чашки. Кувыркаясь вместе с блюдами, оставляя вдоль траектории полета кофейную дорожку, чашки разбились о стену. Все три. Кюзак и Томпсон мгновенно отпрянули от Лафарджа, словно от чумного. Такой реакции они не ожидали.

Чашки разбились, издав фарфоровый вскрик. По счастью, других посетителей не было. Часы недавно отсчитали шесть утра. По этой же причине зевающий бармен, подавший кофе, удалился в помещение позади стойки.

– Если что будет нужно, вот звонок...

Профессиональная привычка реагировать на звуки бьющейся посуды подняла его лучше всякого звонка.

– Еще кофе для джентльменов? – с невозмутимостью истинного кокни поинтересовался он, ничуть не сомневаясь, что произошедшее – только случайность.

Увы, случайностью это не было. Теперь мысли Лафарджа догнали необузданный порыв, и он готов был повторить номер на бис, представься прямо сейчас такая возможность.

– Я до сих пор ощущаю себя шлюхой, которую решили попользовать на всякий лад. А вы, значит, называете это встречей?

– Лафардж! К чему такие слова? – с наигранным удивлением произнес Кюзак.

Он уже отошел от первого шока. Его взгляд из испытующе любопытного стал жестким, резко контрастируя с тоном сказанного.

В то время как Томпсон отправился к бармену, расплачиваться за разбитую посуду, Кюзак осуждающе качал головой.

– У нас и прежде бывали подобные встречи. И вам как-то удавалось сначала разобраться во всем, а потом уже делать выводы.

Томпсон, красный как вареный рак, вернулся к столику, потирая лоб платком.

– Ну и напугали вы меня. Надо хотя бы предупреждать...

– Предупреждать? А не этого же самого ждут от нас на ближайшей ассамблее? – Лафардж развернулся на стуле, ткнув пальцем в сторону Кюзака: – У нас. Никогда. Не было. Подобных. Встреч! – раздельно и весомо сказал он, будто рубил фразу ножом.

Наступило молчание. Томпсон повел плечами, все еще оглядываясь, не проявляет ли бармен излишнего любопытства? Ученый оставался сидеть вполоборота, с обвиняющим вытянутым указательным пальцем. А взгляд Кюзака стал еще жестче. Теперь он прожигал этим взглядом профессора насквозь. Жест против взгляда. Такой раскол был страшнее всех разбитых чашек Лондона.

– Вам не кажется, профессор, что вы перешли некоторую границу, после чего...

– Должен уйти из Контрольной группы? Вы это хотите сказать? Я готов. Только вы перешли все остальные границы. И в заявлении об уходе я найду что сообщить по этому поводу.

– Ну вот... – совсем сник Томпсон и принялся массировать висок, – всего две недели до ассамблеи, а наш корабль готов пойти на дно.

– Уже утонул! Я жалею только об одном: что все это время был с вами!

– Послушайте, Лафардж! Вам не понравились предложения мистера Айронсайда? Ваше право. Но сейчас вы переходите на личности, а оскорбление...

– Ага! Вы успели получить какие-то предложения?

– Да идите вы к черту! – вконец разозлился Кюзак. – Считайте, ваше заявление вместе с моим рапортом уже лежат в секретариате!

– Без проблем!

Со стороны Гайд-парка, с Выставочного бульвара, пробивались первые гудки авто. Скоро их звук станет громче, и квартал аристократов придет в движение. Откроются двери музеев, лимузины будут сигналить возле аукциона «Кристи». Но еще громче может оказаться скандал, связанный с некоторыми аспектами деятельности Контрольной группы, подумалось Кюзаку, и он решил сменить тактику.

– Ну, хорошо. Допустим, вы сообщите в секретариат, что в Нью-Йорке имела место встреча нашей группы с представителем весьма темного инвестиционного траста, некоторые его участники даже фигурируют в списках Интерпола. Дальше что? Неужели вы думаете, что если бы мы, – он бросил взгляд на Томпсона, – если бы мы решили поступиться интересами группы, то стали бы брать вас на эту встречу? В услугах консультанта по науке, как вы поняли, мы не очень-то нуждались. Это первое.

Лафардж пытался прервать речь Кюзака, но тот пресек его попытку.

– Второе! Колебания биржевых котировок и давление Организации на инвестиционные фонды, в том объеме, в котором они запланированы, приведут к хаосу. К настоящему, а не мифическому, которого боитесь вы. Ах да! Вы же не сильны во всех этих биржевых штуках! Как и я не силен в вашей метеорологии.

Снова попытка прервать эту речь, и снова неудачная.

– Наконец, третье. Вы! Не я и не он... Только вы! – Хотя слова были обращены к Лафарджу, взгляд его сейчас сверлил Томпсона, которого Кюзак привязывал к себе, одновременно напоминая, что они плывут в одной лодке. И Томпсон принялся кивать в такт словам Кюзак. – Вы и ваш страх, профессор, вот что может оказаться опасным! И знаете, что я скажу? Я даже рад, что страх вырвался из вашего сердца! А если бы это произошло за день, за час до подачи доклада?

– Все биржевые обвалы полная ерунда по сравнению с тем, что может произойти. И вообще, я поражаюсь, как это надувательство еще не надоело миру? Стоило в Интернете появиться заметке какого-то шутника о том, что взорван Белый дом в США, мировые биржи тут же снизили котировки всех акций на один процент. Вот так, будто дети в песочнице, у нас играют с миллионами и миллиардами! Глупость под видом необходимости! Крах на бирже – это еще не крах всего человечества!

– Снова патетика! – парировал Кюзак. – Вы, наверное, просто утомлены ночным пере-летом.

– Еще смена часовых поясов... – попытался говорить примирительным тоном Томпсон.

– Подумайте, стоит ли брать на себя обязанности такого вестника Армагеддона? Ну, напишите заявление. Кто же вам мешает? Последует разбирательство, в котором мы, – Кюзак убедился, что Томпсон не перестал кивать, – мы сумеем убедить кого угодно в нашей правоте.

– Найдете еще одного Иуду? Сведете его с этим Сэмом Шоном Айронсайдом или с кем-то еще? И тот, кто придет вместо меня, окажется сговорчивей, да? Поймите, Кюзак, перед нами поставлена задача, которую мы...

Теперь Кюзак улыбался. Улыбнулся и Томпсон. Незаметно, в сторону. Какое теплое, хорошее слово! Как погода в субтропиках. Оно исключает любые противостояния. И оно произнесено. Мы!

* * *

Кюзак облокотился о стол.

– Давайте с самого начала, профессор. И лучше без истерик. Наша задача – найти компромисс. И мы его, похоже, уже нашли.

– Компромисс между чем и чем? Между благополучием финансовых групп и интересами всего... всех...

Лафардж вертел головой, пытаясь найти поддержку Томпсона, но встречал только улыбку, и в его душе уже шевелился клубок сомнений. Произнести слово «человечество» ему так и не удалось.

– Именно, – поощрил профессорские старания Кюзак. – Только нужно еще найти тех, кто завтра будет заботиться обо всех и обо всем.

– Завтра. Если оно наступит...

– Звучит, как название романа Сидни Шелдона. У вас всегда, наверное, так получается. Немножко фантазии, немножко знаний и... немножко чувств. А ведь нам предложили конкретный план. И, будьте уверены, в лице недавнего собеседника к нам обратилась далеко не единственная корпорация. Так бывает. Даже хищники и непримиримые враги иногда вынуждены объединять силы. Водяное перемирие, как в истории про Маугли.

Кюзак задумчиво посмотрел куда-то вглубь сквера. Там появилась девушка – собачья няня, выводившая на прогулку трех белоснежных пуделей. Она озиралась по сторонам, опасаясь в столь раннее время встретиться с полицейским. Сквер оживал. Скоро он окончательно проснется и начнет прислушиваться к их разговору. Продолжить можно и по пути в офис.

– Пойдемте, профессор. Я не буду обижаться, если вы дадите слово держать свои эмоции в узде. Последняя неделя доконала всех. Наводнения, где их и вовсе быть не должно. Шесть тайфунов, один за другим. Ситуация в Антарктиде, ситуация в Нидерландах, ситуация, ситуация... Еще немножко, я и впрямь поверю в существование ящика Пандоры. И в то, что какой-то не слишком удачливый Индиана Джонс умудрился его расколупать. Не будем ссориться. Договорились?

– Договорились, но не договорили. Я знаю, о чем вы сейчас думаете, Кюзак. Вот, был нормальный человек, и вдруг с ним что-то произошло. Стоит ли дальше поддерживать отношения? Хотя бы официальные, не говоря уже о личных...

– Нет, Лафардж! Клянусь, нет! Мне абсолютно понятна ваша вспышка. Когда-то я сам был таким. Вот поваритесь в нашей каше, самое большее полгода, и будете чувствовать себя Буддой, который знает все и которому глубоко наплевать на всякие мелкие интрижки. Пусть даже цена им миллиарды и миллиарды. И тогда вы начнете ценить собственный пупок, который сейчас готовы порвать неизвестно за что и зачем. Ну, так как?

Лафардж вздохнул. Заглянул в глаза руководителя группы, потом перевел взгляд на Томпсона. Убедившись, что там плещутся лишь участие и понимание, без всякой затаенной мстительности, он запустил пальцы в шевелюру. Полной ясности для себя профессор не чувствовал, отмечая лишь то, что он пока далеко не Будда.

– Вы правы. Ужасный перелет... Болтанка над Белфастом...

Лафарджу ужасно хотелось вернуться в Гвиану. Но там сидел его недруг.

– Замечательно! – сказал Кюзак.

К соседнему столику подошли трое посетителей...

– Кстати, с вас, Лафардж, шесть фунтов. За кофе! – весело откликнулся Томпсон. – Чашки пусть будут за мой счет.

– Ники! Хуч! Беси! Вот ведь твари... – звала своих собак няня.

Солнце перепрыгнуло через крышу музея...

– Этот Лафардж. Профессор. Он как-то неуверенно попрощался, – сказал несколькими часами раньше на другом континенте тот, кого называли Сэм-Шон Айрон-сайд. И оба его советника кивнули.

Захлопали большие двери аукциона «Кристи»...

– Я думаю... На всякий случай...

Они кивнули еще раз.

Глава 6

Орбитер-75. Орбитальные будни

*«2 сентября на Филиппины обрушился тайфун „Айк“. Скорость ветра составила примерно 220 км/ч. В результате катаклизма 1363 человека погибли и 1 млн 120 тыс. человек остались без крова...»
(1984 год)*

– Здесь всегда так хорошо кормят? – изумлялся де Сотера.

– Восемидневный рацион, – пожал плечами Камаев. – Через пять дней все вернется на круги своя. В «Звездном» было ничуть не хуже.

– Может быть, может быть...

Сотера с сомнением рассматривал густую жидкость, наполненную чем-то зелено-вато-бурым.

– Вот этого я точно не успел попробовать.

– Ну, тогда самое время порадоваться новизне впечатлений! Не смотрите так подозрительно. Это зеленые щи, – засмеялся Миядзу, успевший вкусить прелести славянской кухни.

– Щи? Бор-щи? – Сначала турист попробовал на вкус слово, а потом уже содержимое банки.

Ушли безвозвратно времена, когда космонавты испытывали чувство голода, потребляя в экспедициях лишь разжиженную пищу.

Кейн и Стинклер, подобно большинству своих соотечественников, бодро поглощали апельсины и грейпфруты. Уважал цитрусовые и канадец. Камаев, а с ним оба европейца и Миядзу аппетитно хрустели антоновкой и присоединяли к рациону лук с помидорами. Сотера угощался и тем, и другим, и третьим.

Общим блюдом, где все сошлись во вкусах, являлся творог с орехами.

– Двадцать лет, и даже больше, давятся на орбите этим творогом, а он все не кончается. Но почему-то никто не протестует! – признался Стинклер.

– Борщи! – Когда банка выскочила из электроподогревателя, Сотера принял ее с интересом первооткрывателя и не выпускал, пока она не опустела.

– Добавки? – поинтересовался командир.

– О да! Лучше откажусь сегодня от сыра. А вот эти зеленые листья, это...

– Крапива и щавель.

– Даже так?

И Сотера вставил в подогреватель вторую банку.

Ужин завершали, кто зеленым чаем, кто лимонным соком. Никаких тревог и волнений. Почти.

Внизу плыла Земля. Голубое свечение местами прерывалось белесыми потеками облачности. В районе Средиземного и южной оконечности Черного моря вспухало какое-то темное одеяло. Большой грозовой фронт, отметил Камаев. Очень большой...

Глава 7

Сабурро. Голос в эфире

«Согласно статистическим данным, в Китае от удара молний ежегодно гибнет около тысячи человек. Общий ущерб от гроз достигает 143 миллионов долларов США в год...»

Когда люди оправились после томительной ночи, им открылся вид квартала, облепленного грязью до козырьков второго этажа. В этой грязи валялось разное.

Несколько дамских сумочек, а среди них, как султан в гареме, огромный желтый чемодан с вывернутыми наружу колесиками. Раньше они красовались на витрине галантерейной лавки. Кучи битого стекла, цветочные горшки с измятыми растениями, детские игрушки, большущая, в рост человека, плюшевая лошадь. И еще несколько фигур ростом с человека. Разум отказывался принять их за то, чем они являлись на самом деле.

– Ну наконец-то! Куча чиновников, что набивали карманы и экономили на постройке новых плотин, отправятся за решетку! – воскликнул кто-то из присутствующих в квартире Дожа.

– Все свалят на стихийное бедствие и глобальное потепление, вот и не будет виновных! – тут же возразил другой.

– Ужас! Ужас! – Какая-то женщина в темном строгом платье молитвенно сложила руки на груди и пятилась от окна, повторяя, как заведенная, одно и то же. – Ужас! Ужас!

Потом к ним присоединилась еще одна группа людей. Те, кто оставался на лестничной площадке.

– Там мертвецы, – сообщила молодая веснушчатая девчушка с дрожью в голосе. – И дверь в подъезд не открывается.

Ее ухажер, юноша, немногим старше двадцати, тоже дрожал. Но больше от холода, потому что набросил свою куртку на плечи девушки.

Дождь грудью лег на подоконник и смог разглядеть, что с другой стороны дверь в подъезд загорожена каким-то комодом.

Воздух оказался насыщен озонем и специфическим речным или озерным запахом. Так пахнут водоросли из аквариума. Это было еще объяснимо, водяной поток из водохранилища, грязь и песок, смытый слой почвы, но вот озон...

– Нужно быстрее выбираться, пока опять не началась гроза, – высказался высокий мужчина, опирающийся на тяжелую инкрустированную трость.

Дождь узнал его. Мужчина являлся певцом оперы и трость носил исключительно ради причисления себя к богеме.

– Синьор Валентино! Обратите внимание если не на меня, то хотя бы на небо. Я не вижу никаких туч.

– Вчера начиналось так же, – парировал певец, постукивая тростью по краю подоконника. – Гроза будет. И гроза сильная. Запах озона это неспроста.

Ну вот, огорчился Дождь, в такой неподходящий момент синьор Баритон решил, что он на сцене. Сейчас, ради привлечения внимания к собственной персоне, начнет сеять панику.

– Отойдите, пожалуйста, от окна. Все отойдите! – Дождь смахнул трость с подоконника и опустил шторы.

Запахи исчезли. Все сразу изменилось, будто по волшебству. Ну, была гроза. Ну, смыло плотину. А сейчас новое утро, новый день и солнце играет лучами. Можно даже пытаться не замечать, что это там валяется в грязи. Чемодан, цветочные горшки, плюшевая лошадь и еще что-то. Ростом как раз с человека.

– У кого-нибудь есть спички или хотя бы зажигалка? – обратился ко всем хозяин квартиры. – Попробую разжечь примус, можно будет выпить по чашке кофе. Буду благодарен, если кто-то мне поможет...

Помогать вызвалась миловидная синьора лет сорока, в джинсах и ярко-красном джемпере.

– Поищите на кухне чашки, а я заменю батарейки в приемнике, послушаем новости «Долины Блюза». Может быть, Клара разузнала всякие подробности... Это чтобы... – он запнулся, и лицо его сделалось пунцовым, – ну, мало ли...

Три женщины и мужчина, что пророчил тюремное заключение для чиновников, отправились на кухню. Это было непривычно – вот так вот, по-обыденному, заниматься завтраком, зная, что на улице лежат трупы. Словно сработавшая защита сознания не позволяла полностью принять этот факт. Вскоре из кухни донесся звон столовых приборов, стук шкафчиков и радостное восклицание:

– У вас тут пять хлебцов! Как у Иисуса.

Монашеского вида особа, что говорила «ужас! ужас!», перекрестилась. А молодая пара, юноша и девушка в веснушках, наоборот, рассмеялись. Может быть, немного нервно, но все-таки это был смех.

Батарейки нашлись быстро, но радио молчало. Дож стал менять настройку, и наконец в динамике раздался голос ведущей, осипший, хотя и с некоторым запасом задора:

«Я изменила волну вещания. Хочется верить, Департамент по использованию радиочастот не станет меня штрафовать. А если станет, очень надеюсь, слушатели скинутся по десятке, тогда хватит и на штраф, и на новый мопед. Коллеги с других каналов по-прежнему молчат. Наверное, сильно потратились на приобретение лицензии и установку кучи антенн по всему городу, чтобы забить конкурентов, и у них просто не осталось средств на дизель-генератор. Так что мы теперь квиты. Мой генератор, их частота. Широкая полоса вещания, чтобы услышало побольше народа. Глядишь, и продержимся, пока не появятся другие голоса. Например, я лично не против услышать столицу. Эй, Рим! Ау! Нет, не слышат. Вообще-то на ультракоротких волнах не слишком докричишься до Рима. Ну, что? Я начинаю! Вы не против? Новости, что станут известны о грозе и ее последствиях, я стану выдавать в эфир короткими порциями. Горькое лекарство нужно пить с ложечки, правда? Пока я буду готовить очередную ложечку, послушайте „Лив ин Блюз“. Эта голландская группа начала свою жизнь в шестьдесят седьмом и продержалась до конца семидесятых. Не уверена, что это то, что нам сейчас нужно, но, честно говоря, так хочется спать, что я уже просто не в состоянии хорошо соображать. Буду ставить все, что попадется под руку. А моему сменщику должно быть стыдно, что он не доплыл, не долетел до радиостанции. Но я не сдамся, потому что мне кажется, пока заново не включились телефоны, телевизоры и даже холодильники, я должна оставаться на посту, в студии. Итак...»

Дож отключил приемник. Уже тогда что-то подсказало ему, – нужно экономить батарейки.

Тем не менее комната ожила.

– Она всю ночь, что ли, вот так тараторила? Не представляю, как можно жить с радио-ведущей!

– Клара не замужем. Три раза объявляла конкурс на звание жениха!

– Никто не клюнул?

– Почему же, были кандидаты, пытались... Но у них плохо получалось. Заставила их читать скороговорки и расспрашивала о литературе...

– Ого!

– Чего взъелись? Не ругается, глупостей не говорит, да и шутки у нее вполне... Эх, черт! Почему я не слышал про эти конкурсы?

Сами того не замечая, люди, увлеченные голосом диджея, тоже начали шутить, и улыбки, пусть робкие, пусть вполсилы, разглаживали на лицах напряженные морщины. Потом Дождь снова включил приемник.

«...наверное, зря, – фраза начиналась с середины. К счастью, пропущено оказалось немного. – Но вот вопрос, – говорила Клара, – могла ли я предположить, что дела окажутся настолько плохи? Такой обстановки Сабурро не видел, пожалуй, со времен бомбардировки в сорок четвертом, когда целый воздушный флот, как рассказывала моя прабабка, непонятно зачем разбомбил городскую птицеферму и общественную баню. В тот день по улицам бегали куры и голые девки, потому что был женский день...»

Профессионально-мажорный тон Клары уже никого не вводил в заблуждение. Теперь все готовы были слушать только слова, ловить смысл, а не тон, которыми их произносили.

«Разведчики сообщили, что пешеходный мост над Пенией разрушен. Не знаю, как такое могло случиться, кажется, в этом замешан грузовик, что игнорировал знак и пытался проехать. Там он и застрял, а опоры, наверное, не выдержали. Три других моста вроде бы пока стоят. Но там сплошные автомобильные пробки. А сама Пеня превратилась в разъяренное чудовище! Вышла из берегов, и теперь нижние параллельные улицы затоплены по самое не хочу! Вдобавок увеличилась скорость потока. Если вам нужно перебраться через реку, лучше повременить. Сейчас наш старый знакомый, синьор капитано, желая проявить служебное рвение, которого ему вчера недоставало, отправился с группой добровольцев к ближайшему от нас мосту. Это на Виа Флори. Они попробуют освободить дорогу. Если кто-то может им помочь, обязательно помогите. Спешите на помощь к господину жандарму, может быть, когда-нибудь вам зачтется!»

Клара выдавала несколько фраз на едином дыхании, потом пила воду, было слышно, как она делает несколько глотков, после чего ставит стакан на стол.

«Кстати! Выезды из города, у нас их аж пять штук, не считая тайных троп контрабандистов и сутенеров, скорее всего, свободны и не все подверглись затоплению. Это я ни на что не намекаю, но если у кого-нибудь появится желание дезертировать, не забудьте рассказать в Вольтере или в Сиене, смотря в какую сторону направитесь, о том, что тут у нас случилось. Или у них тоже катастрофа? Пока непонятно. Будем ждать новостей, сидя в уютной куриной хижине, я имею в виду британскую команду „Чикен Шак“, которую мы сейчас дружно слушаем, ведь мне пока что никто не доплачивает за сводки новостей, так что буду тянуть понемногу свою ношу...»

* * *

Запаса газа в туристическом примусе хватило только на то, чтобы вскипятить двухлитровую кастрюлю воды. А претендентов на кофе, как подсчитал Дождь, оказалось двадцать восемь человек. Пришлось разливать микроскопическими дозами, больше чтобы приободрить, заставить вспомнить, что есть какие-то мелкие привычные дела на свете, например, пить кофе по утрам.

Чашек на всех не хватило. Пили по очереди, мелкими торопливыми глотками, будто выполняли необходимый ритуал, а после расходились, собираясь группами по пять-шесть человек. Первую группу возглавил синьор Баритон, не пожалевший, к его чести, даже трости, которую он использовал как рычаг, чтобы открыть дверь подъезда. Дождь видел из окна, что люди какое-то время держались друг друга, но ближе к концу квартала разделялись, кто направо, кто налево. Все как один они смотрели под ноги. Не оборачиваясь по сторонам. Последней ушла женщина в джинсах и красном джемпере. Она поцеловала Дождя в щеку, будто старого знакомого. А следом потянулись те, кто переждал ночь в других квартирах. Сначала хлопнула дверь у Софи, потом у Винченцо. Через несколько минут двор Дождя опустел. И сразу навали-

лось ощущение, будто лишь он один остался в этом мире. Дож шагнул к приемнику, отмечая боковым зрением, как что-то сверкнуло за окном. Неужели включили электричество? И где-то искрят провода, спутанные ветром, подумал он. Но вскоре убедился, что ошибся. Электричества в квартире по-прежнему не было. Он снова включил радио.

* * *

«Как видно, то, чем одарила нас цивилизация, всего лишь набор вредных привычек, – рассуждала Клара после окончания музыкальной композиции. – Например, привычка пользоваться телефонной связью, ведь без телефонов мы уже ни на что не годимся. Привычка ездить на автомобилях, а не карабкаться по ущельям и переплывать взбесившуюся Пению по три раза на день. Да еще с добычей в зубах и шипастой дубиной в подмышках. Привычка разогревать еду в микроволновках и на электроплитах. А вот сейчас нам вполнегодились бы палочки для разжигания огня... – Потом она снова пила воду и снова говорила: – Короче, пока никакой ясности. К моей студии подошел взвод солдат. Я сначала подумала, это за мной, сейчас поведут куда-то за угол и шлепнут по приказу свыше. Оказалось, совсем наоборот. Эти бедняги, насквозь промокшие, не могут отыскать своих командиров. Утверждают, что их еще вчера отправили за город рыть какую-то канаву под кабель, потому что они из учебного саперного отряда, а там нужно уметь копать канавы. А начальство, целых два сержанта и один офицер, уехали по важному и секретному делу... Знаю я про такие секретные дела! Боюсь, на розыск командиров нет времени. Так что я принимаю на себя командование не только над радиовещанием, но и над всеми вооруженными силами, которые только окажутся поблизости от „Долины Блюза“. Ну-ка, мальчики, раз вы умеете обращаться с лопатами и инженерной техникой, шагом марш на Виа Флори! Там, если увидите капитана жандармов, скажите, чтобы направил кого-нибудь в студию, чтобы я знала, как обстоят дела на мосту».

В динамике раздались смешки и многоголосые восклицания. Умница, Клара, решил Дож, даже саперов к делу приставила. Ей бы не над блюзами верховодить, а над всей городской бюрократией.

В горелке закончился газ, а кофе ему так и не досталось. Нет ясности, нет связи, нет кофе. Ничего нет...

* * *

«– Вау! Я не уверена, что меня слышит министр обороны, но поступлю по-женски. Возьму, и поставлю его перед фактом!

В студии смех.

– Нет, не перед таким фактом! Бесстыдники вы... У него жена, дети, наверное... Зачем министру ребенок от Клары Гуччо? Я просто сообщу, когда придет время, что он остался совсем без солдат. Кстати, если я стала такой важной шишкой, то в награду за все мучения присваиваю себе звание... Что там есть? Ха-ха! – Клара залилась смехом. – Мне посоветовали стать генералом! Это вряд ли. Хотя, если дело пойдет так дальше... надо подумать. В общем, в студию пришло еще двадцать солдат. Какие-то злые, с ружьями... Нет? Не ружья? Ну, вам виднее, а мое дело командовать. Что значит – почему? Потому что я этот... – Она звонко щелкнула пальцами. – Лейтенант! Вот кто я такая! Спросите у остальных, если не верите. Видели тех, других? Вот то-то! Это я их отправила расчищать мост. А вас, если уж с ружьями... Ну ладно, пусть будут автоматы, вас я отправляю патрулировать город. Тут недалеко сразу несколько магазинов. Боюсь, как бы кто-нибудь не решил нажиться на общей беде. Мародеры нам не нужны. Вот им и объясните, что это такое у вас в руках. Приказ понятен?

За шумом послышалось шарканье армейских ботинок и одобрителные голоса.

– Эй, зеваки! Не надоело стоять у меня над душой? Все-таки я занята делом, команду потихоньку. Среди нас, кстати, есть один настоящий офицер. Полковник. Он, правда, уже несколько лет как вышел в отставку, но тем не менее... Вот я и предлагаю, чтобы меня действительно потом не расстреляли под барабанный бой как узурпатора, давайте голосовать. Кто за то, чтобы я, Клара Гуччо, девица хоть куда, стала на время лейтенантом? О, благодарю вас, синьор полковник. Итак, аб мелиора темпора, до лучших времен, я становлюсь лейтенантом. Трепещите!»

Дождь позавидовал кипучей энергии молодой женщины. Теперь, когда все разошлись, он страстно желал улечься на диване, закинув руки за голову, и дать передышку уставшему от волнений сознанию. А ведь Клара сейчас желала того же, как она призналась в эфире. Но сменщик, второй диджей «Долины Блюза», так и не пришел, не доплыл, не долетел, и она была вынуждена бороться со сном, одновременно продолжая перемежать разговор и организацию дела музыкальными вставками.

«Теперь мне попался „Блинд Файз“, опять шестидесятые. Но в составе этой группы выступал Эрик Клэптон, так что будет интересно послушать, как он играл на гитаре, пока не стал мастером блюза. Альбом „Слепая вера“, название очень подходит к нашей ситуации, не правда ли? Слушайте, я думала, вы будете более догадливыми, сколько можно намекать? Ну-ка, марш из студии! Все разговоры с радиоведущей только по телефону, таковы правила! Не знаю, когда их включают, наши телефоны, но все равно марш! Кто-нибудь, пробежитесь до мэрии, узнайте, как там и что, и сразу обратно. Вы аптекарь? Откуда известно? Я покупала у вас женские тампоны три дня назад. Ой, что я... Это все бессонница, не обращайте внимания. Да и черт с ними, с тампонами... Возьмите помощника и отправляйтесь к аптеке. По дороге можете найти кого-нибудь из врачей, должны же вы знать, где живет хоть какой-нибудь врач! Мне передали записку от синьора капитано, он сообщил, что на мосту есть погибшие, но есть и выжившие. Хорошо хоть, меня слышат все, кто включил радио в своих авто. Нам понадобятся и врачи и медикаменты, пока спасатели не начнут свою благородную миссию. Открывайте аптеку, готовьте перевязочные материалы, и что там у вас есть, и приготовьтесь ждать посетителей. Уверена, скоро они нагрянут. И еще, я могу это только советовать, но мне кажется, что не нужно отказывать даже тем, у кого с собой не оказалось бумажника. Давайте придумаем какие-нибудь расписки, и пусть каждый ставит подпись, какие лекарства он у вас взял. Надеюсь, муниципалитет все оплатит. Сомневаетесь? Я, честно говоря, тоже. Кто пойдет в мэрию? Расскажите им о расписках. А я пока передаю в эфир... Это точная информация? Спасибо большое... Всем, кто меня слышит! На углу улиц Сан-Себастьяно и Кавальеро Витторио сейчас откроется аптека, где можно...»

Дальше Дождь уже не слушал. Он спал, уронив голову перед радиоприемником. Заглянувший в гости Винченцо не стал его будить, за что Дождь мог быть благодарным. А вот за что Дождь не сказал бы ему спасибо – это за оставленный работающим приемник. И долго еще метался в тихой комнате голос Клары Гуччо, перемежаемый музыкальными вставками, во время которых Клара сама пыталась урвать хоть несколько минут сна. А за окном светило солнце. Но кое-где мелькали яркие блики. Быстрые и бесшумные.

Их становилось все больше и больше.

Глава 8

Три Иуды. Кенсингтон

«Загрязнение окружающей среды углекислым газом и чрезмерное использование природных ресурсов к настоящему времени достигли критических отметок. При таких тенденциях к 2030 году человечеству для удовлетворения его потребностей и сохранения современного уровня жизни потребуются вторая планета...»

(Из заявления Мирового фонда дикой природы)

В центральном офисе Контрольной группы по изменению климата с утра творилось что-то невообразимое. Звонки из Брюсселя, из Вены, из Торонто, со всех концов мира. Руководители научных отделов интересовались продвижением прогнозов климатической обстановки на ближайшее десятилетие. Их интересовало, насколько адекватно отнесутся к проделанной работе. Через два дня обобщение с рекомендациями Контрольной группы должно было лечь на стол руководству ООН, а еще через неделю внеочередная сессия, используя эти рекомендации, приняла бы решение о дальнейшей промышленной политике.

Экономический совет ООН настаивал, насколько знал Лафардж, чтобы в своем обобщении Контрольная группа, по крайней мере, не драматизировала ситуацию. Иными словами, если речь шла о максимально и минимально возможных масштабах изменения климата, в расчет желательно принимать минимальные. То же самое, что и замалчивание реальных потерь в военное время.

И снова Кьюзаку пришлось спорить с Лафарджем. На этот раз обошлось без резкостей. Неестественно спокойный для такого разговора, Лафардж старался не смотреть в глаза руководителя группы. Кьюзак, напротив, то вставал с места и брал профессора за руку, то склонялся над ним, с жаром доказывая свою правоту. Ему очень не хотелось разобщений при подписании заключения, а отсутствие на документе подписи Лафарджа, как представителя научного сообщества, обязательно должно было вызвать резонанс.

Томпсон в срочном порядке отбыл в Брюссель, чтобы заранее представить часть готовящегося документа. Ту часть, которая содержала описание проблемы, но не способ ее устранения.

– Лафардж! Поражаюсь вашему упрямству! Я не прошу принять мою точку зрения с закрытыми глазами. Я всего лишь хочу, чтобы мы во всем разобрались, прежде чем делать выводы. Одно дело – бить в набат и кричать «пожар»! Совсем другое – думать, как этот пожар потушить!

Сегодня настала очередь Кьюзака заниматься патетикой, что с головой выдавало его истинные намерения. Конечно же, он упраскивал. Но старался придать этому акту видимость спора, в котором рождается истина.

– А можно просто любоваться, как огонь набирает силу и в конце концов пожирает все вокруг, – в тон ему продолжил ученый.

– Опять вы за свое! Поймите, так нельзя мыслить! Урезать квоты на промышленные выбросы означает загнать экономику в тупик. Мы поставим на карту все, что у нас имеется. А если завтра возникнет другая опасность? Если человечество поразит какая-нибудь болезнь? Какой-то новый вирус? Начнут извержение все вулканы Земли, и землетрясения...

– Не играйте словами. Извержения, землетрясения, чума двадцать первого века! Это всего лишь гипотетические предположения, если не сказать – ваши случайные фантазии. А настоящая опасность уже рядом!

– Лафардж, Лафардж! Это только гипотеза! Никто не знает, почему изменение климата идет по нарастающей. Вредные выбросы – далеко не все, что может повлиять на климат. Существуют более могущественные процессы. Изменение солнечной активности, замедление реакций в ядре и подкорковой мантии Земли. Уверяю вас, мамонты и динозавры не строили тепло-электроцентралей, не сжигали торф, уголь и мазут в неисчислимых количествах. Тем не менее это их не спасло. И в те далекие времена все происходило вот так же стремительно. Климат изменился разом и повсеместно. Историю про замерзших мамонтов помните? У которых в желудке нашли остатки непереваренной пищи... Убить промышленность, после чего нам останется вымирать словно мамонтам. Остаться без оружия перед надвигающейся опасностью. Это вы предлагаете?

– Нет! Не это! И не нужно передергивать, словно карточный шулер! Вы отлично меня поняли еще вчера. Я не предлагаю кого-то убивать и что-то разрушать, скорее, речь идет об обновлении...

– Ну да. Как же я сразу не понял. Великий Промышленный Ренессанс Лафарджа! Красиво звучит!

Затем Кьюзак вывалил на стол содержимое трех огромных папок, бесцеремонно хватая то одну, то другую бумагу, кидая их в общую кучу.

– Смотрите, профессор! Я тоже умею рассуждать и анализировать. Мои выводы – не на пустом месте! Вот, пожалуйста, этот документ вам должен быть знаком... А вот еще... И еще!

Лафардж поморщился, отлично понимая, что именно за документы подсовывает ему Кьюзак.

Большинство исследовательских групп приходило к выводу о необходимости резкого сокращения квот на промышленные выбросы. Так же они связывали изменения климата с деятельностью человека, изменяющего окружающую среду. Но были и другие мнения. Многие ученые, метеорологи, геофизики, астрономы скептически отнеслись к тому уровню тревоги, что возникла в начале двадцать первого столетия, и считали преждевременным приписывать изменение климата в заслугу человечеству.

Одни считали, что уровень энергии, которым человечество воздействует на окружающую среду, явно недостаточен, чтобы привести к столь грозным изменениям.

– Смотрите, Лафардж! Читайте! Вы же ученый, а мните себя политиком, который способен одним росчерком уничтожить экономику нашей цивилизации! – Кьюзак продолжал выкладывать отчеты и статистические сводки с ловкостью фокусника. – Вот, группа исследователей астрофизической станции в Алабаме... Физический факультет Массачусетского технологического... Приватное мнение члена Британской королевской академии наук... Заключение отдела гидрологии Новозеландского университета... Зачем вам тратить время на такого бюрократа, как я? Поспорьте лучше с ними! Вот еще. И еще. О, кстати! Жан Лорак, ваш земляк, метеорологическая станция во Французской Гвиане...

Если бы не имя, названное последним, Кьюзаку, скорее всего, удалось бы окончательно перетянуть профессора на свою сторону. Лафарджа буквально загипнотизировало обилие контраргументов. Но как только прозвучало имя старого недоброжелателя, ученый стряхнул с себя гипнотическую пелену.

– Лорак? Как же я сразу не догадался! Теперь я буду говорить, а вы слушать. Думаю, не ошибусь, если заявлю, что большинство этих документов исходит от научного корпуса США. Я прав? Страна-гигант, превосходящая любую другую страну мира по уровню промышленных выбросов, но при этом отказавшаяся от подписания Киотского протокола и манипулирующая государствами-сателлитами при распределении квот на промышленные выбросы. Сегодня наука зависит от политиков и промышленных магнатов. Все эти правительственные гранты, коммерческие дотации и прочее являются лучшим инструментом давления на любого исследователя. Может ли ученый, получающий средства на проведение исследований из бюд-

жета, пойти наперекор официальной позиции государства? Разумеется, нет. А что до Лорака, я хорошо с ним знаком и догадываюсь, почему он высказывает такое мнение.

– Лафардж, вы несправедливы! Как сотрудник ООН, вы не имеете права высказывать неприязнь к тому или иному государству! Заодно давайте оставим в покое Лорака. Припоминаю, кажется, его пост мог принадлежать вам...

– Хорошо, к черту Лорака! И это не неприязнь, я просто констатирую факт!

– Тогда к чему злопамятство? После сессии в Найроби по вопросам изменения климата правительство США согласилось пойти на некоторые уступки и установило ограничение на выбросы...

– Помните историю с американскими тюрьмами для террористов? На территории США, где активно действуют правозащитники, такие тюрьмы были бы немыслимы. И тогда их расположили за пределами страны. Там, куда не доберется ни один прокурор или адвокат. Гарантии прав человека в США соблюдены. А что творится за пределами, лучше никому и не знать. Сейчас происходит то же самое. Небольшое уменьшение выбросов будет устанавливаться статистически за счет предприятий, входящих в американские концерны, но существующих за пределами страны.

– Вы забыли упомянуть Китай, который тоже не сторонник Киотских соглашений. Русские дымят во все трубы. Бразилия теряет лесные массивы, все понемножку причастны. Вы – американофоб! Хорошо, что нас не слышит представитель США, иначе я не поручился бы за ваше дальнейшее пребывание в Организации!

– Это не важно. Скоро подобные споры вообще потеряют смысл. Американский народ будет страдать точно так же, как и другие народы Земли. Помяните мое слово, Кьюзак, пройдет не так много времени, все полетит вверх тормашками, и Организация начнет искать виноватых. Не все можно свалить только на разгул стихии! И вспомнят, кто представлял рекомендации Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее.

Кьюзак начал набивать папки обратно, поняв, что так он ничего не добьется от Лафарджа. Выиграв паузу во времени, он обдумал последующие аргументы.

– Хорошо, профессор. Я чувствую, вас не переубедить. И вы свято уверовали в необходимость урезания квот. Допустим, я соглашусь с вами. Но что от этого изменится? Мнение абсолютно всех экспертов едино – глобальное изменение климата нам уже не остановить.

– Правильно, давайте же устроим пир во время чумы! Снимем абсолютно все квоты! Пусть кое-кто насладится сверхприбылью перед концом света!

– Не-ет, мой милый друг! Это будет уже не коммерческий ход, а приготовление к войне! Битва со стихией требует огромных средств и возможностей, на порядок выше, чем при обычных военных действиях. И если некоторые корпорации снимут сливки со всего этого, что ж, их право. Но это вовсе не легкие деньги. Нам потребуется много транспорта для эвакуации населения из зон бедствия. Мы будем нуждаться в строительной технике, для возведения дамб и плотин, там, где наводнение станет угрожать городам. Нам нужна огромная армия профессиональных спасателей, которую мы готовим уже несколько лет. Вы не задавались вопросом, отчего с конца двадцатого века во всех странах появились департаменты и министерства по чрезвычайным ситуациям? Отчего повсеместно проводятся учения спасательных отрядов? Даже обычные армейские подразделения готовятся принять участие в спасательных операциях. Нам много чего еще потребуется, Лафардж. А для этого нужно горючее, листовая сталь, арматура для железобетонных конструкций, прочие строительные материалы, тяжелые инженерные машины, специальная авиация, специальный флот, запасы топлива и продовольствия, оборудованные бункеры и хранилища... Холодильные установки и системы кондиционирования, а для них – фреон, один из компонентов, влияющих на разрушение озонового слоя. Это будет битва, растянутая на поколения! Мы дошли до черты, за которой, – не важно уже, по

какой причине, – количество жертв стихийных бедствий превышает в год все остальные потери человечества: от войн, от преступлений, от болезней и транспортных аварий.

– Замечательно! Теперь те, кто довел нас до этого состояния, разыгрывают новую партию!

– Нет, это невыносимо, ваши прокоммунистические суждения...

– При чем тут коммунисты? Мы как те клопы, которые искусили собаку, а когда их начали травить дихлофосом, чтобы облегчить собаке жизнь, решили кусать ее еще больше, еще активней!

– Лафардж, вы не понимаете...

– Это вы не желаете признать абсолютно ясную вещь! Поступая так, как предлагаете вы и ваши покровители, мы только подстегнем события. Последствия станут еще ужаснее, это же очевидно!

– Так что же, сидеть сложа руки и ничего не делать? Остановить промышленность? Вернуться в каменные пещеры? Помните предсказания русского химика Менделеева? В начале двадцатого века он говорил, что мир умрет под слоем навоза! Для его времени, когда главенствовала конная тяга и миллионные армии сидели в седле, это неудивительно. Что из этого вышло? Прогресс устранил его опасения. Возможно, наши ученые страдают подобной боязнью, на этот раз топливной, поэтому...

– Речь не о прогрессе! Мы стали наркоманами! Мы, человечество! Нас приучили потреблять нефть. Пользоваться газом, сжигать уголь. Мы стали ребенком-переростком, который мало думает о завтрашнем дне, таская из кладовой Земли то, что накапливалось веками. В чем выражается прогресс? В том, что под сукном государственных канцелярий лежат тонны проектов, среди которых есть по-настоящему толковые? Проекты энергетических установок, не требующих ископаемого топлива, проекты электростанций, которые используют чистую энергию, энергию ветра, приливов, солнечного света. Мы давно должны были пересесть на автомобили, использующие в качестве топлива водород, растительные масла, просто воду. А нас заставляли ездить по одному для всех маршруту – от автозаправки к автозаправке! И так должно продолжаться, пока не выложен последний цент за последнюю каплю бензина. Только тогда нам позволят воспользоваться дешевым, экологически безопасным транспортом.

– А как же развитие космонавтики? Компьютерные технологии...

– Вы читали Брэдбери?

– Да, конечно. Что-то про смуглых и золотоглазых. Еще про вино из колокольчиков.

– Из одуванчиков.

– Что?

– Вино было из одуванчиков.

– Да какая разница?

– Разница есть. Для тех, кто ее замечает. Когда писателю исполнилось девяносто лет и его поздравлял президент Буш-младший вместе с мадам Райс, кто-то из газетчиков попытался поддеть мастера, ехидно заметив, что, вопреки прогнозам юбиляра, человечество не построило никаких колоний за пределами Земли. И знаете, что он им ответил?

– Послал куда подальше?

– Хуже. Сказал им правду. О том, что люди давно могли бы колонизировать и Луну и Марс, если бы не привычка к паразитирующему образу жизни и цепкие руки мировой олигархии, которой, в общем-то, плевать на полеты к звездам, потому что это не приносит большой прибыли в краткие сроки. О том, что вместо новых ракетных двигателей люди придумали менеджеров по продажам и финансовые пирамиды, вместо систем жизнеобеспечения появились мерчендайзеры, умело играющие на слабостях человека. И я с ним полностью согласен. Мы давно могли построить колонию на Марсе, начать разработку лунных недр, принимать солнечную энергию на орбите и передавать ее на Землю, но на это вечно не хватает средств.

Они уходят в другую сторону. Например, расходятся на лживую рекламу, на развитие новых технологий оболванивания потребителей. На собачьих парикмахеров и маникюр для болонок! Кто правит миром, Кюзак? ООН? Национальные правительства? Нет, не они. Существует несколько крупнейших корпораций. Энергетических, транспортных, финансовых. Им тесно, они ведут войну по Дарвину. Сильный проглатывает слабого. И сильный же старается сохранить все, как есть. Тем, кто имеет средства, прогресс стал невыгоден. Значит, грядут большие перемены.

– Лафардж, вы совершенно не туда заехали, а время идет. Все слишком сложно.

– Значит, нужно все упростить!

– Это темы для кухонных политиков, но никак не для нас. Я вас понял. Используя собственную теорию смены формаций и благоприятный момент, вы решили устроить революцию. Урезать квоты, снизить прибыль ненавистных вам корпораций. И сразу же появится вечный двигатель и все, о чем вы тут фантазировали. Смешно, Лафардж!

– Может быть, не сразу. Но только так мы можем решить проблемы климата и экологии. Пройдем период бедствий и катастроф, но в конце концов нас будет ждать обновленный мир.

– Или все же каменные пещеры? Какой же вы наивный, Лафардж! А кто придет на смену нынешним корпоративным магнатам? Не догадываетесь? А я вам скажу. Придут точно такие же, только голодные и неопытные, и все повторится. Крах империй, войны, закон джунглей, прогресс, упрятанный под сукно. Но пока мы будем заниматься экспериментами, нас просто не станет. Странно, что вы не понимаете очевидного. Слушать подобную чепуху мне некогда, а вам, я вижу, пришлось по вкусу строить планы уничтожения корпораций. Увы, не выйдет. На повестке дня стоит совсем другой вопрос, решить который без помощи промышленных концернов мы не в состоянии. У вас есть время до завтрашнего утра. Подумайте хорошенько над всем, что я говорил, но только выкиньте прочие мысли из головы. Договорились? Вот и отлично. Я вас больше не задерживаю.

* * *

Это был первый случай, когда Кюзак вот так бесцеремонно выпроваживал Лафарджа из офиса. Как только профессор ушел, глава Контрольной группы свалился в кресло, принимаясь массировать себе виски, переняв эту привычку от согласного всегда и на все Томпсона. Он был зол. На себя и на ученого, но больше все-таки на себя. Потому что был уверен, что ему удастся переубедить Лафарджа, как удавалось делать это раньше. Схватившись было за телефонную трубку, Кюзак положил ее на место. Потом нажал потайную кнопку на небольшом кейсе, который с некоторых пор всегда находился при нем. Когда на ручке кейса замигал зеленый огонек, гарантирующий, что никакие системы прослушивания не смогут перехватить сказанное в офисе, он достал мобильный телефон.

– Слушаю вас, мистер Кюзак, – ответили ему минутой позже.

– У нас небольшая заминка...

– У вашего помощника, месье Лафарджа, появилось собственное мнение?

– Ну, в общем, да. Завтра я надеюсь изменить ситуацию, и...

– Не беспокойтесь, мы решим эту проблему.

– Вы же не станете... – отчего-то на лбу Кюзака выступили капли пота, а тело пронзила мелкая дрожь, – не станете решать вопрос... кардинально! – наконец выдавил он из себя.

– Нет, конечно! Мы цивилизованные люди и умеем ко всякому находить подход. Будьте уверены, завтра, а может быть, уже сегодня месье Лафардж присоединит свою подпись. До свидания, мистер Кюзак, всегда рады вашим звонкам.

Глава 9

Лозоходец. История болезни

«В 1974 году тропический циклон „Трейси“ разрушил в Австралии город Дарвин, с населением 44 тыс. человек. Скорость ветра достигала 260 км/ч. По свидетельству очевидцев, ураган срывал крыши с домов, сносил с улиц туристические автобусы. Многочисленные коттеджи разваливались под напором ветра, будто картонные домики. Деловой центр Дарвина превращен в горы щебня и обломков. Уничтожена расположенная вблизи города крупная военно-морская база. Несколько кораблей затонуло...»

Плавучая лаборатория «Тесefon» входила в исследовательский отряд «Риф-1». Кроме нее, здесь присутствовало три вспомогательных судна и корабль сопровождения и охраны, крейсер-вертолетоносец ВМФ Франции «Жанна д'Арк».

К северу от Австралии, там, где приходилось действовать исследователям, нападение пиратов вовсе не редкость. Малайзия, Филиппины, цепочка Каролинских островов – эти названия скажут многое тем, кто занимался здесь каботажом. Дивизионы вертких скутеров и скоростных катеров с разношерстной вооруженной командой могли появиться в любой момент, а после незаметно раствориться среди бесконечных атоллов и узостей островных проливов, оставляя после себя обобранные суда и разграбленные судовые кассы. Так повелось еще со времен танцовщицы девицы Шон, известной под именем королева пиратов Мадам Вонг. Надеяться только на флаг ООН было рискованно. Кроме того, три вертолета связи и обслуживания «Алуэт» и два поисково-спасательных «Линкса», имеющиеся на борту крейсера, служили надежными помощниками при выполнении миссии. Пираты, извещенные, для чего прибыл в эту часть Тихого океана крейсер, в работу исследователей не вмешивались, предпочитая на какой-то период затаиться, чтобы спустя время собирать дань с привычной жертвы: небольших сухогрузов и контейнеровозов, отлично зная расписание движения и даже количество контрабанды, имеющейся на борту. После окончательного жесткого решения проблемы пиратства у берегов Сомали никто из флибустьеров двадцать первого века не хотел рисковать.

Тибор не очень-то во все это верил, полагаясь лишь на слова электрика «Тесefона», но проверять, насколько реально свести знакомство с морскими пиратами, он бы не решился.

Электрик, Имре Хусти, являлся потомком венгерских переселенцев, которые после Второй мировой войны перебрались в Португалию. Естественно, теперь он был рад встрече с соотечественником и в свободное время развлекал Тибора всякими морскими историями. Тем более Имре радовало общение на родном языке. Тибор отвечал искренней взаимностью и старался не обращать внимания на то, что Имре оказался любителем приврать.

Причиной отправления в плавание сразу трех исследовательских групп – «Риф-1», «Риф-2» и координационной группы «Фиджи» – стало очередное зарождение природного явления, известного как Эль-Ниньо. Поэтому, в обмен на сказки Имре о летучих голландцах и зонах безвременья, встречающихся в океане, Тибор рассказывал совсем другие истории.

– Этому явлению более сотни тысяч лет, – говорил Тибор, – так свидетельствуют геологические исследования...

Имре внимал с интересом, прикидывая в уме, как бы это все звучало в его изложении, потому что поле для фантазии здесь было огромно.

– Название Эль-Ниньо, что в переводе с испанского означает «младенец», придумали еще в пятнадцатом веке в честь Иисуса Христа рыбаки Южной Америки, – продолжал Тибор. – Так они говорили про неожиданное теплое течение, что пригоняло огромные косяки сардины как

раз под Рождество. Явление это было нерегулярным и всякий раз казалось рыбакам Божиим даром.

– Кто, как не Бог, руководит погодой? – улыбался Имре.

– Ну, Бога вообразить сложно, проще представить атмосферу и Мировой океан единым живым организмом. Если принять воздушные и водяные потоки за кровь этого зверя, то сердцем, устанавливающим ритм и гоняющим такую кровь в определенном порядке, является попеременное изменение давления в двух областях Тихого океана. Это основа Метода мировой погоды, разработанного еще в начале двадцатого века. Если в Австралии давление растет, это означает, что в районе острова Таити оно непременно должно падать. Потом все происходит в обратном порядке. Такие качели гоняют массы воздуха и воды, воздействуя при этом на климат Земли в целом. Так как обе крайние точки качелей расположены в Южном полушарии, появилось название «Южное колебание». Но иногда этот ровный ритм нарушается. Виноват Эль-Ниньо. Это очень быстрое событие, причины его пока неизвестны. Температура воды на востоке Тихого океана неожиданно поднимается на пять–десять градусов. Вместо слабых пассатов с запада идут шквальные ветра, рождаются ураганы и шторма, что проносятся над Японией, Филиппинами, Индонезией, США и идут дальше. Скорость ветра достигает трехсот километров в час!

– Да, погода катится к черту, – вставил электрик «Тесефона». – Сейчас в океанах такие звери водятся, только держись! Про волну-убийцу слышал? На танкерах куда ни шло, но контейнеровоз, если суперкаargo неправильно груз распределил, – верная добыча. Я два раза такое чудо встречал. Солнце, облачка, ветерок, и вдруг прямо перед носом, этажей двадцать, не меньше, ка-ак встанет волна! Корпус потом час гудит. Хорошо, если перед носом, а вот если с борта – все! Имейл: Нептун – собака! Дно, и точка. Что удивительно, никаких предупреждений! Зря, что ли, все эти спутники по орбитам вертятся? Это тоже из-за вашего «Младенца»?

– Не уверен, что из-за него. Но и в двадцати этажах тоже не уверен...

– Ну ладно, от страха я пару этажей действительно прибавил, пусть будет восемнадцать.

В таких случаях Тибор старался как можно надежнее скрыть улыбку. Он знал, что покладистость штурмана имеет свои пределы, за которыми начинается чистое упрямство. Восемнадцать так восемнадцать. Тибор уже пережил два шторма на «Тесефоне», когда волны достигали четырех-пяти метров. После этого ему как-то не верилось, что они могут оказаться в десять раз выше.

– Последствия Эль-Ниньо страшнее, чем одиночные волны. Ты бывал в Перуанской пустыне?

– Конечно! – живо отозвался Имре, хотя по глазам было видно, что никакая сила не погнала бы его в пустыню.

– А я бывал, – вопреки всякому такту сказал Тибор. – Бывал и видел эту пустыню. Там если дожди и случаются, то не чаще чем раз в десять лет. В девяносто восьмом ливни образовали в пустыне сорокакилометровое озеро! В Колумбии из-за дождей сошли оползни и уничтожили дороги, а вот в Индии, откуда всю влагу откачал Эль-Ниньо, в это же время грянула страшная засуха, как и на Филиппинах.

– Наверное, озеро в пустыне это только к лучшему?

– Думаю, в Перу обошлись бы и без него. Теряют они намного больше.

– Что же там можно потерять? Коку и кофе?

– В Перу национальным богатством считается птичий помет.

– Тьфу ты, точно! Гуано, лучшее в мире удобрение! Пеликаны с бакланами навалили двухсотметровые холмы!

– Если скинем до пятидесяти метров, этого хватит. А главное, будет ближе к истине, – сделав взгляд как можно невинней, прокомментировал Тибор. – В годы Эль-Ниньо погибает анчоус, основная пища бакланов и пеликанов. Птицы гибнут от бескормицы. Их становится в

пять-шесть раз меньше. Представь, какой удар для экономики страны! Вдобавок тонна гуано для иных стран важнее, чем две тонны металла, так что...

Потом Тибор описал противофазу Эль-Ниньо – младенца-девочку, Ла-Ниньо, при которой последствия бывают менее впечатляющи и не заставляют сходить с ума весь земной климат. Тем не менее однажды, благодаря такой фазе, в Боливии и Перу выпал снег, что явилось полной неожиданностью для жителей.

– А как сейчас узнают про начало Эль-Ниньо? Так же, как и в пятнадцатом веке? По косякам рыб? Или мы здесь болтаемся только для того, чтобы измерять температуру воды?

– Есть контрольные метеостанции. Одна на севере Австралии, в городе Дарвин, другая на Таити, в Папее. Как только барометры покажут, что на Таити давление устойчиво растет, а в Дарвине падает, значит, зарождается очередной «Младенец». За температурой тоже приходится следить, как и за химическим составом воды, силой ветра в различных частях зоны Южного колебания и за многими другими вещами. Мы же пытаемся понять, отчего это все вообще случается. Выгрузили в океан три десятка датчиков. Ждем.

– У моря погоды? – рассмеялся Имре.

– Это точно!

* * *

Когда Имре отправился принимать вахту, улыбка Тибора медленно сошла на нет. Он боялся подойти к узлу связи, потому что вторую неделю не мог связаться с женой.

О причинах молчания Евы Тибор догадывался, но окончательно поверить, что она решила его бросить, не мог.

Почему? – мучился он вопросом, валясь с ног после очередных промеров. В чем его вина? Как будто он сам пожелал стать таким... таким...

Если бы время можно было пускать вспять, он бы ни за что не полез на чертову метеовышку, менять датчик, и молния не оставила бы страшную отметину – пять точек, каждая размером с мелкую монетку, на левом плече и такой же узор на правой ладони. Пять точек, повторяющих изображение на игральных костях: четыре по краям, пятая точно посередине.

Ему даже не стали выплачивать страховку, а сам Тибор находился в больнице меньше недели. Врачи записали в анамнезе «поражение молнией» и поставили жирный вопросительный знак, потому что никаких нарушений здоровья, не считая разве что ожогов в виде точек, у него не выявили.

Кардиограмма, анализы, все было в порядке. Единственное, невропатолог установил последствия шока, но это был шок человека, упавшего с высоты второго этажа и не получившего при этом ни царапины. Только зловещие метки. Пять на ладони, потому что он держался рукой за клеммы проклятого датчика, и пять на плече, которым он опирался о стальную балку. Тибор даже не понял сам, что с ним произошло. Никаких признаков грозы. Солнечный день, на вечер запланирован поход в кинотеатр всей семьей, потому что Маркошу давно уже не шесть лет, он уже хочет казаться взрослым и смотреть взрослое кино. Сработал сигнал об отказе датчика анеометра. Начальник сказал, твоя работа, надо вовремя подавать заявку на замену оборудования, иди посмотри, наверное, провод от клеммы отошел, такое уже случилось. Минутное дело. Тибор даже не стал надевать перчатки. Подошел к вышке, взобрался на первую площадку, где располагался датчик, и протянул руку к разъемам. В следующую секунду он уже лежал на земле, хватая воздух ртом, словно рыба, наблюдая, как большое, на четверть неба, облако превращается из дракона в богомольного старца со сломанным посохом. Отчего-то ныла спина, но приложился он так удачно, что после падения на спине не осталось никаких ссадин и синяков. Чуть позже дошло, что к ладони будто приклеились раскаленные угли,

которые он не может стряхнуть. И к нему бегут люди с испуганными лицами. Они рассказали Тибору, что произошло.

Потом примчалась машина неотложной помощи, и всю дорогу молоденький врач держал в руках дефибриллятор, опасаясь, что вот-вот откажет сердце пациента. Жжения в плече Тибор не чувствовал, эти пять точек обнаружили только при осмотре. Несколько укрепляющих уколов, капельница, но все оказалось лишним. Молния, к великому изумлению медиков, не нанесла Тибору никакого вреда. Разве что следы ожогов, отмечающие места, через которые входило и выходило небесное электричество. Две пятерки, удачный бросок, шутили потом на работе.

Тибор вначале не поверил. Ведь не было никаких признаков грозы, может быть, молния только померещилась окружающим? Может, с датчика сорвалась искра статического разряда, когда он взялся за клемму? Такая, чтоб ее видел весь метеорологический городок... И еще ожоги. Пришлось поверить.

Провалявшись шесть дней в больнице, ставшей на время местом паломничества целой толпы кардиологов, невропатологов, микробиологов, пытающихся найти следы изменений состава крови, Тибор, в конце концов, перестал насмехаться над той ситуацией, в которой оказался, а вот врачи – как раз наоборот. В конечном итоге он будто поменялся местами с врачами. Теперь он верил, а они уже нет. Это не молния, таков был окончательный вердикт. Что угодно, только не разряд в миллион вольт, силой в несколько тысяч ампер. И грозы в тот день не было, и полицейский любого прохожего способен принять за нарушителя, а заядлый натуралист увидеть в кустах редкую бабочку, которая на самом деле просто сухой скрученный лист. Коллегам Тибора, утверждавшим, что видели, как молния ударила в старшего метеоролога, пришлось проглотить эти намеки.

Всего очевидцев набралось пять человек, включая зевак с соседних дач, остальные – примчавшиеся на шум, взбудораженные таким известием. Как же, любопытное зрелище – молния ударила в человека! Ну-ка, глянем, что там от него осталось? Устроим классное селфи!

Через неделю количество свидетелей уменьшилось до двух. Потому что другие начали сомневаться. Остались лишь студент-практикант, вышедший поглазеть, как Тибор будет менять датчик, и младший сотрудник центра Кристана Эгер.

Начальник станции первым стал отрицать свои же слова, видимо спохватившись, что ему придется объяснять, почему квалифицированный специалист-синоптик оказался на вышке. Двое дачников сказали, что им, наверное, просто померещилось. А студент не в счет, молодости привычно фантазировать и отстаивать собственные фантазии. Настойчивость госпожи Эгер со временем стала раздражать самого Тибора, потому что злые языки пытались внушить Еве, что у Тибора какой-то там роман с молодой сотрудницей. Чтобы лишний раз не нервировать супругу, Тибор попросил Кристану не упорствовать.

– Молния или не молния, ты же видишь, никто не верит. Зачем тебе казаться белой вороной?

– И все-таки она вертится! – ответила Эгер.

– Я знаю...

* * *

Через месяц Тибор забыл о происшествии. Почти забыл, все-таки оставались метки. Бордовые точки на ладони, светлые – на плече. Но боль ушла. Тибор не уклонялся от рукопожатий, как приходилось ему делать первое время, привык он и к удивленным взглядам прохожих, случайно высмотревшим на его ладони странные знаки.

– А дядю укусила собачка! – заявила маленькая девочка и выиграла конкурс на самое смешное объяснение тайны шрамов.

«Собачка. Шустрая такая, сука с зубами по миллиону вольт!» – думал Тибор.

А потом он проснулся посреди ночи, хватая воздух, как и тогда, когда упал с вышки. В ладони снова оказались горящие угольки, которые не стряхнуть.

– Что с тобой? – спросонья пробормотала Ева, не открывая глаз. – Что-то приснилось?

– Приснилось... – сказал Тибор, освобождаясь от ночного кошмара, в котором его стегали со всех сторон молнии, а по небу катились оглушительные раскаты грома.

Сразу после пробуждения Тибору показалось, что он сожжен! Он – труп, обуглившийся, со спекшейся кровью и кожей, с провалившимся внутрь животом и узловатыми, черными конечностями. Человек, испепеленный молнией. В таком виде он точно не удивил бы медиков, и сомнений никаких не возникло.

– Дорогой, что случилось? – Ева проснулась и зажгла ночник.

Она понимала, что тогда, на вышке, с мужем случилось что-то страшное. Но это что-то его пощадило. Ни Ева, ни Тибор еще не знали, что пощада лишь на время. Ему дали отсрочку, но не помилование.

– Ночной кошмар. Как будто в меня снова ударила молния...

– А-а-а, я-то подумала... – ушла из нее тревога. – Неудивительно. Посмотри, что творится за окном! Сама пару раз просыпалась, чтобы проверить, как там Маркош.

Только сейчас Тибор увидел слабые отсветы молний на стене. Далекий гром бархатно рокотал на краю слышимости.

– Вот оно что! Гроза вошла в мой сон...

– Хочешь, оставим ночник включенным? – спросила Ева. – Чтобы кошмар не вернулся?

– Не вернется.

– Ладно.

Ева заснула почти мгновенно. Гроза уходила, и светлые блики ложились на стены все реже и реже. Гром прекратил ворчание, а кошмар ушел вслед за грозой, пугать кого-нибудь другого. Что же не в порядке?

Ладонь! Ожоги! Тибор вспомнил, как отдернул руку, стоило только Еве потянуться к ночнику. Теперь боли не было. Но рука до сих пор была сжата в кулак. Он поднес ее к лицу. И медленно разжал пальцы.

Пять точек, словно пять голодных глаз, тускло сверкнули малиновым. И тут же погасли. Тибора бросило в жар, потом в холод. Он никогда не страдал галлюцинациями. Богатым воображением – может быть, но не галлюцинациями. И вещи на вешалке в раннем детстве для него всегда оставались просто вещами, а не ожившим темным человеком.

С ужасом Тибор осознал, что боится прикоснуться к собственной ладони. Он сделал это лишь через пару минут.

Ничего не произошло. Никаких изменений, никакой боли и никаких стигм. Так начинается шизофрения, подумал Тибор, заодно твердо решив с утра забежать в клинику. Конечно же, он этого не сделал, потому что утром все кошмары кажутся смешными и ночные страхи уходят без остатка.

Но в следующую ночь грозы не было. Гром гремел только в его сне, и опять в Тибора били молнии! Темное низкое небо стало многоруким мучителем, взявшим в каждую руку по хлысту, и стегало, стегало обнаженное человеческое тело.

Так продолжалось до тех пор, пока Тибор не проснулся. Снова рывком, пугливо озираясь по сторонам, ловя воздух будто форель, выловленная из пруда. Снова жгло ладонь. Но самым страшным было не это. Ева не проснулась, в доме стояла тишина, лишь звонко цокали кварцевые часики на стенке. Они и стали единственными свидетелями открывшейся Тибору страшной тайны: в его ладони снова горели малиновые злые глаза, и это свечение не исчезало.

Как зачарованный, он смотрел на пять точек, загипнотизированный необычной красотой рисунка. Квадрат, и по центру точка. Покосившись на левое плечо, Тибор не увидел там ничего

особенного, другие пять точек никак себя не проявили. Но на ладони... Свечение продолжалось чуть меньше минуты. Время достаточное, чтобы отличить явь от сна. Заснул он только под утро.

На следующий день, вернувшись с работы, он первым делом положил под подушку компактную видеокамеру, которую купил по дороге домой. Но ночь прошла спокойно. И следующая ночь, и последующая. А потом пришла четвертая...

Во сне он стоял на коленях. Молнии колючими нитями оплетали тело. Тибор чувствовал себя находящимся в огненном коконе. Даже гром звучал приглушенно, будто кокон создавал звукозавесу. Если бы не жжение в ладони, Тибор, скорее всего, не проснулся. Но именно жжение оставалось натуральным. Не сразу, но он открыл глаза, сдержав застывший на губах и готовый вот-вот вырваться наружу стон. Он посмотрел на ладонь и достал видеокамеру.

На следующий раз сон был почти таким же. Снова кокон сиреневых, золотых, рубиновых и слепяще белых нитей. Снова Тибор стоял на коленях, но потом нашел в себе силы и приподнялся на одну ногу. Как только ему это удалось, звук грома стал ближе, будто двадцать–тридцать сантиметров обернулись километрами. Взглянув вниз, он обнаружил странную метаморфозу. Одно его колено впечаталось в размокшую от дождя землю, рядом с пучками бурой травы, а вторым коленом Тибор нависал над целым городом, каким его можно увидеть с высоты птичьего полета. Несомненно, это был Сегед, в котором они жили с Евой. Вот крыша городской ратуши, островерхий костел, памятник шестнадцатого века, вот Тиса, прилепившаяся сбоку и кажущаяся оттого не рекой, а темной лентой, уложенной на землю. Когда возникло жжение, он смог стерпеть, но после боль стала усиливаться, он снова проснулся и опять взялся за камеру.

Спустя неделю чип памяти оказался заполнен. Но главным было не это. Сон больше не пугал его!

Тем не менее в повторяющемся сне Тибор пока не смог встать в полный рост. То, что ему удалось, походило на позу бегуна, готовящегося к низкому старту. Разве что руками он не касался земли, земля под правым коленом ушла еще дальше, и теперь он видел не только Сегед, но и другие городки, даже Субботицу за сербской границей. Он видел две ленты: Тису и у волшебного горизонта сновидения – Дунай. Точки на ладони источали холодное свечение на протяжении двух минут после пробуждения, как он отметил на таймере съемки. И появилось нечто новое: между малиновыми пятнами проскальзывало по несколько сиреневых черточек. Тибор сразу догадался, что же они напоминают и чем могут являться. Да и как не догадываться, если весь сон вокруг него сновали такие же черточки, только длиннее, намного длиннее. Когда дело только в масштабах, легко найти сравнение: на ладони Тибора ожили крошечные молнии!

* * *

– Дорогой, ты сильно ворочаешься во сне, или мне это показалось? И зачем тебе фотоаппарат под подушкой?

Ева сама дала повод, чтобы все рассказать. Тибор включил компьютер и принялся запускать файл за файлом.

– Смотри!

– Что это, Тибор? Новый хранитель экрана?

– Моя ладонь. Ночью она светится.

Дальше стало легче. Он рассказал ей про то, что видел во снах. Как молнии перестали его пугать, как свечение усиливалось и он купил видеокамеру.

– Что мы будем с этим делать, Тибор? – спросила Ева. По ее щеке ползла слеза.

Он обнял жену, уткнувшись лицом в копну темно-рыжих волос. Он не знал, как ответить.

– Ты ходил в клинику? – Минута слабости прошла, и Ева была готова искать выход.

– Нет. Что я им скажу? Что у меня ночные кошмары и светятся руки?

– Но запись...

– Они будут проверять ее пару месяцев, как снимки НЛЮ, а после объявят, что я шарлатан, а запись – подделка. А еще добавят, что я готовый клиент для психиатрической клиники. А когда шумиха утихнет, упрячут меня для изучения, вместе с вами, чтобы никто не проболтался...

– И что же мы будем делать? Ты... Ты покажешь мне, Тибор?

Им пришлось ждать четыре ночи, прежде чем Тибор осторожно потряс ее за плечо. Ева даже не сразу сообразила, что произошло. Но стоило Тибору поднести к ее лицу кулак и медленно его разжать, сон мгновенно покинул супругу. Она инстинктивно отодвинулась, оказавшись одной ногой на полу.

– Я вижу... Вижу это, Тибор! – пошептала Ева и задала тот же вопрос: – Что мы будем с этим делать?

– Пока сделаем так. Я схожу в клинику. Пожалуюсь на что-нибудь неопределенное. В крайнем случае, расскажу про кошмары. Мне пропишут лекарство, какой-нибудь диазепам или седуксен, но главное, снова прогонят на аппаратах. Пусть хоть всю кровь берут на анализы. Может, что-то и обнаружат... Что-то, от чего действительно можно вылечить. Недостаток магния в организме, избыток цинка и фосфора в крови, даже не знаю... Изменение эритроцитов, нарушение сердечного ритма... А вот это, – ткнул он пальцем в монитор, – это они лечить не станут. Это станут исследовать! И тогда я превращусь в подопытного кролика.

Тибор, как и обещал, посетил клинику. Но это не дало никакой ясности. Разве что кардиограмма...

* * *

– Скажите, вам не доводилось совсем недавно переносить какие-то тяжести? Или там пробежать несколько кварталов? Тут какие-то слабые пики, ничего серьезного. Иногда достаточно переживаний. Вы были взволнованны, ночные кошмары нередко сопровождаются учащенным сердцебиением, так что...

* * *

Бегал ли он? Ночь прошла, если так можно выразиться, в занимательном для него путешествии. Тибор ощутил, что может перемещаться вместе с огненным коконом. Пусть так и не выпрямившись до конца, пусть снова в дикой позе бегущего египтянина, но кокон перемещал его тело, повинаясь взгляду и желанию Тибора. Не зная, как по-настоящему выглядит город-порт Лисабон, где он никогда не был, но откуда Тибору вскоре предстояло направиться в трехмесячный круиз к островам Тихого океана в составе готовящейся экспедиции ООН, Тибор видел во сне причалы и портовые краны, огромные корабли, которые с высоты призрачного полета казались крошечными. Видел оконечность одного материка и начало другого. Гибралтарский пролив. И ему было спокойно, как никогда. Странно, но этой ночью он так и не проснулся. Жжение, ощущаемое даже во сне, постепенно ушло, молнии сменились праздничным фейерверком, и оказалось, что это не Гибралтар, а городская площадь. Рядом Ева и Маркош, они купили мороженое, которое превратилось в бананы, а площадь исчезла, и дальше пошла всякая белиберда. Может быть, сердцебиение случилось, когда в ладони оказались горящие угли? Шумы слабые, поводов для беспокойства нет. Это главное.

– Общий анализ готов. Эритроциты в норме. Лейкоциты, белок... Нет, все в порядке. Микроанализ будет во второй половине дня. Посмотрим, что происходит в вашей личной таблице Менделеева. Энцефалограмма тоже ничего не показала. Есть подозрительная область, но ее я наблюдал и прежде. Вы говорили, сотрясение мозга в детстве? Характерный след, так что...

К четырем часам дня, после того как Тибор побывал на ложементе томографа, стало ясно, что никаких изменений в его организме не произошло. А микроанализ показал в крови полный набор необходимых элементов без всяких излишеств. Ординатору оставалось лишь разводить руками, а Тибору бессвязно извиняться. Он надеялся, что в крови должны оставаться, по крайней мере, следы фосфора, потому что ничем иным не мог объяснить причину ночного свечения, но ничего такого не обнаружилось. Хотя его сильно подмывало все выложить, Тибор сдержался.

В следующем месяце странные сновидения посетили его только трижды. Зато эффект был поразителен.

Во время первого феноменального сновидения Тибор побывал над обширной каменистой равниной, где ему приходилось то приближаться к земле вместе с коконом, то взмывать выше птиц. Никаких городов или поселков он так и не разглядел. Вместо этого, поднявшись выше облаков, он нос к носу столкнулся с двухмоторным пассажирским самолетом. Белоснежный фюзеляж с четко различимой надписью «МИАТ» на хвосте и странным иероглифом, больше напоминающим тибетские письмена, неся наперерез огненному кокону. Когда их пути пересеклись, сиреневая вязь оплела самолет, будто схватила за крылья, после чего тот клюнул носом и начал снижаться. Оба его двигателя издавали вой, добавляя ускорение и без того стремительной машине. В последний миг Тибор выхватил взглядом один из иллюминаторов самолета, в котором распласталось искаженное ужасом лицо. Отпрянув, боясь, что обнаружен, Тибор только через секунду вспомнил, что это все сон. Удивительно, но его сознание фиксировало происходящее во всех деталях, одновременно сигнализируя, что все – сон! Но как убедительны были эти детали!

Уже высвобождаясь из кокона, а заодно из объятий странного сна, чувствуя падение с километровой высоты, которое его и разбудило, Тибор отметил еще одну деталь, ту, что постоянно присутствовала рядом, но до последнего момента была неразличима. Сейчас он ясно увидел, куда именно падает самолет...

– А-ах! – Тело содрогнулось, как случается всякий раз при ощущении полета во сне.

Ева что-то пробормотала и повернулась со спины на бок. Ладонь светилась малиновыми пятнами. Одна из искр соскочила и коснулась края простыни, и это касание было отмечено кратким щелчком. Будто рядом чиркнули спичкой. Сердце колотилось нещадно, и кровь пульсировала в висках. Почему? Ему ведь не было страшно во сне! Хотя это сердцебиение послужило для Тибора объяснением обнаруженных в клинике сердечных шумов. Тем он и успокоился.

А утром Тибор проснулся и услышал, как Ева, вставшая раньше, негодуя выговаривает в телефонную трубку.

– Нет, ты представляешь? Там люди погибли! Люди! А им главное – что осталась целой какая-то древняя стена!

– Что-то случилось, дорогая? – Тибор приподнялся на локте, решая, встать ли ему окончательно или урвать еще немножко сна.

– Муж проснулся, а у меня завтрак еще не готов, – закончила Ева разговор с подружкой, а после повернулась к Тибору: – Включи телевизор. Сейчас будет повтор.

Тибор нащупал пульт. Пару минут ему пришлось выслушивать состояние дел на ведущих мировых биржах, в чем он абсолютно не разбирался, а вот последующий сюжет оказался весьма интересным.

«Сегодня, в восемь часов утра по пекинскому времени, – вещал диктор, – на краю пустыни Алашань, рядом с автономным районом Внутренней Монголии, являющейся провинцией Китая, – тут же появилось изображение географической карты Китая, где цветом была выделена область, о которой шла речь, – по неизвестным причинам разбился самолет «Фоккер-50», принадлежащий монгольской авиакомпании «МИАТ». Самолет, рассчитанный

на пятьдесят пассажиров, следовал по маршруту Улан-Батор – Ганьчжоу. Данные о количестве людей на борту уточняются».

По нижнему краю телеэкрана бежала красная полоса с телетекстом и мигающей меткой: «Горячая линия!»

«Как сообщает наш корреспондент, несмотря на то, что аэробус врезался в землю практически у самого подножия Великой стены, никакого ущерба памятнику не причинено. Последнее крушение подобного самолета произошло в феврале две тысячи четвертого года, когда «Фоккер-50» иранской авиакомпании упал и разбился на территории Объединенных Арабских Эмиратов. В тот раз двоим пассажирам удалось выжить. Сейчас, по заявлению спасателей, выживших нет...»

Теперь стало понятно и возмущение Евы, и многое другое. То, что во сне он принял за верхушку горной гряды, оказалось Великой Китайской стеной. В остальном все сходилось до мелочей. Телеоператор успел показать крупным планом остатки хвостовой части самолета, где можно было различить тот самый непонятный иероглиф, который был монгольским символом, после чего китайский военный в камуфляжной форме заслонил камеру ладонью.

Самолет. Падение. Причины не установлены. Но Тибор знал, что послужило причиной! Вот только каким образом он смог увидеть это во сне и как это все связано с молнией на метеовышке, сколько ни думал, он так и не смог понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.